ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза писателей СССР

№ 65 (4807)

Год издания 36-й

Вторник,

2

июня 1964 г.

Цена 4 коп.

СИМВОЛ ДРУЖБЫ

Германская Демократическая Республика. У памятника советскому воину-освободителю в Трептов-парке в Берлине.
Фото Т. Ананьиной (АПН)

ОТ СЕРДЦА

В субботу в Киеве закончился Международный форум деятелей культуры, посвященный 150-летию со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко. В ярких выступлениях участников форума, съехавшихся на торжества из многих стран мира, нашли выражение чувства искренней любви к гворчеству великого Кобзаря, идущей от сердца благодарности за все то, что он создал во имя Человека.

«Я привез вам привет из Канады, — сказал поэт Уилсон Макдональд. — На дороге, в стороне от города, где я живу, стоит статуя — памятник вашему поэту. Вспоминая ее, я хочу сказать еще одно слово в честь памяти поэта: он достиг своей великой цели».

Под аплодисменты зала на трибуну поднялся известный американский писатель и художник Рокуэлл Кент. В своей речи он выразил надежду, что произведения Шевченко полюбятся американскому народу, как полюбились сонеты Шекспира и стихи Роберта Вернса советским людям.

Член-корреспондент Академии наук УССР Л. Новиченко сказал в своем докладе, что поэзия Шевченко «крепко связала себя с всероссийским освободительным движением. И чем свежее становились ветры, которые означали приближение революционной грозы, чем шире разворачивалось движение самих масс, тем активнее было действие этой поэзии, тем острее разворачивались за нее и вокруг нее идейные бои».

С большим волнением выступали посланцы Италии Джанкарло Вигорелли и Гвидо Пьовене. «Воздавать почести поэту, — сказал Вигорелли, — не значит оборачиваться назад: сила поэзии длится во времени».

Интересный, содержательный доклад сделал заместитель генерального директора ЮНЕСКО товарищ П. Ершов. Он рассказал о том, как росла популярность Шевченко за рубежом, о том, как ЮНЕСКО способствует распространению знаний о жизни и деятельности великого украинского поэта.

Взволнованно прозвучало выступление известного румынского писателя Михая Бенюка, который, в частности, рассказал о том, как творчество Шевченко изучалось в Румынии еще в прошлом веке.

(Окончание на 4-й стр.)

И ВОТ ЗВУЧИТ «ЗАПОВІТ»

Советские и зарубежные писатели, участники объединенного пленума правлений Союза писателей СССР и Союза писателей Украины и Международного шевченковского форума приехали в Канев, чтобы принять участие в шевченковских торжествах на земле Тараса.

В 10 часов утра большой хор у могилы Тараса Шевченко запел «Заповіт». К памятнику двинулся нескончаемый поток венков. На торжественный митинг прибыли руководители Коммунистической партии и правительства Советской Украины — кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест, председатель Совета Министров Украинской ССР И. П. Казанец, председатель Президиума Верховного Совета УССР Д. С. Коротченко. Председатель Совета Министров республики И. П. Казанец открывает митинг. Затем выступают Николай Тихонов, Александр Корнейчук, испанский поэт Рафаэль Альберти и другие.

Днем в торжественной обстановке был заложен первый кубометр бетона в основание шлюза строящейся Каневской гидроэлектростанции. На митинге, посвященном этому событию, выступил первый секретарь ЦК Компартии Украины П. Е. Шелест.

КАНЕВ (Наш корр.)

РЕПЛИКИ

Мистеру Эдварду Уэйзмолеку
журнал «Сатердей ревью»
Нью-Йорк

Сэр,

В «Сатердей ревью» от 9 мая вы рассказали, как, повинуясь какому-то «внутреннему побуждению», вы посетили в Москве Библиотеку имени Ленина.

Вам не понравилась транскрипция американских имен в каталогах. Не понравилась балюстрада в главном здании. Не понравилось еще кое-что. Это, как говорится, дело вкуса. Но степень аберрации вашего зрения вызывает серьезнейшие опасения.

Решив возвестить городу и миру, «Что читают Советы об Америке», вы пишете: «Для русских американская литература — это произведения Купера, Драйзера, Лондона, Брет-Гарта, Твена, а сегодня — еще Фолкнера и Хемингуэя». После этого называется еще несколько имен — всего числом двенадцать.

Так-таки двенадцать?

Доводим до сведения преподавателя русской литературы Чикагского университета, что за последние годы у нас в стране изданы книги — помимо упомянутых вами — В. Ирвинга, Г. Мелвилла, Г. Торо, Э. По, Р. Фроста, О'Генри, Ш. Андерсона, С. Льюиса, К. Сэндберга, Дж. Рида, Р. Райта, У. Сарояна, А. Мальца, Н. Шоу, У. Дюбуа, Т. Уильямса, Л. Хьюза, Д. Чивера, Р. Бредбери, Харпер Ли, Л. Хэнсберри, Дж. Сэлинджера, Н. Стоуна...

По вашему запросу можем продолжить список.

Сейчас предпринимаются новые шаги для расширения культурных связей между нашими странами. Так кому же нужны эти дюжинные выкладки досужего ума?

Кому это выгодно?

Без уважения

Г. ЗЛОБИН

ЭТО БЫЛ НАСТОЯЩИЙ КОММУНИСТ...

ИЗ ВЧЕРАШНЕЙ ПОЧТЫ

В журнале «Знамя» (№№ 2—4) напечатан цикл документальных новелл Александра Кривицкого «Военная косточка». Мы публикуем сегодня адресованное автору новелл письмо генерал-майора юстиции запаса И. В. Канцева. В нем сообщаются подробности биографии Героя Советского Союза генерала Александра Ильича Лизюкова, погибшего на фронте в 1942 году. Генерал Лизюков — один из тех, о ком пишет А. Кривицкий в «Военной косточке».

Уважаемый товарищ Кривицкий! В «Литературной газете» за 16 мая я прочел рецензию Сергея Борзенко на ваши очерки «Военная косточка». Внимание мое привлекло имя генерала А. И. Лизюкова, с которым я познакомился много лет назад при весьма драматических обстоятельствах. Теперь я прочел и самые очерки, и захотелось написать вам.

В 1936 году я окончил Ленинградский юридический институт и три года работал председателем одной из гражданских коллегий Ленинградского областного суда. 7 сентября 1939 года я был призван в Красную Армию и назначен членом военного трибунала Ленинградского военного округа, а спустя пару месяцев — членом суда над бывшим командиром танковой бригады полковником Лизюковым и комиссаром бригады Бондаренко.

Обоих обвиняли в тяжких вещах — в том, что «завербованные» неким участником военного заговора, они умышленно подрывали боеспособность своей бригады: на учениях выводили из строя танки, с разгона преодолевавшие («перепрыгивавшие») заранее вырытые канавы и ямы, ставили на консервацию недоукомплектованные и неисправные машины, портили запасные части и, наконец, — самое ужасное — намеревались врезаться на танке в Мавзолей во время парада.

И Лизюков, и Бондаренко категорически отрицали предъявленные им обвинения и приводили в свое оправдание в высшей степени убедительные доводы. Военный трибунал в течение двух дней тщательно изучал материалы — проверял документы, показания свидетелей. В результате часть обвинений удалось отвести. Однако процесс отложили, ибо для уточнения некоторых обстоятельств нужны были показания заместителя командира бригады по техчасти — инженера (если я правильно запомнил фамилию) Николаева, в то время служившего под Москвой, и некоторые другие данные.

В назначенный к вторичному рассмотрению дела день майор Николаев прибыл в суд и дал важные и правдивые показания. Снова были вызваны водители танков, «прыгуны» Дудко и Ковалев, но явиться они не смогли: вся танковая бригада Лизюкова в эти дни воевала с белофиннами на Карельском перешейке.

В результате детальнейшего исследования всех обстоятельств дела оба были оправданы.

После того как прочли приговор, кто-то дал полковнику Лизюкову номер окружной военной газеты; в ней была фотография танкистов его бригады на фронте. Увидев танки и своих ребят, Лизюков заплакал — его содержали в одиночке, под строгим режимом, и он даже не знал, что уже несколько недель шла война.

Лизюков и Бондаренко были отправлены в Москву за назначением. Им вернули ордена: Лизюкову — орден Ленина, Бондаренко — орден Красной Звезды.

Несколько слов о танкистах, воспитанных Лизюковым, — Дудко и Ковалеве. За эти самые экспериментальные прыжки Дудко впоследствии был награжден орденом «Знак Почета», Ковалев — охотничьим ружьем. За подвиги в боях с белофиннами Федор Дудко получил звание Героя Советского Союза; вскоре он погиб в бою. О нем сказано в книге «Их именами названы улицы Ленинграда».

С тех пор прошло немало лет. Немало людей я повидал, многих и позабыл. Но Лизюкова запомнил навсегда. Это был настоящий коммунист.

Он стоял перед судом в гимнастерке без ремня... Но сломить его дух, его волю не смогло ничто.

ВДНХ—В БАКУ

Неуклюжее, наглухо обшитое досками сооружение... Эту допотопную вышку можно увидеть на открывшейся Выставке достижений народного хозяйства, посвященной 150-летию вхождения Азербайджана в состав России. А рядом — сегодняшний промысел, оснащенный новейшей техникой...

Знаменательной дате было посвящено торжественное заседание ЦК КП Азербайджана и Верховного Совета Азербайджанской ССР. Доклад сделал первый секретарь ЦК КП Азербайджана В. Ю. Ахундов. С большой речью на торжественном заседании выступил член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Н. В. Подгорный. Участники заседания единогласно приняли письмо ЦК КПСС, товарищу Н. С. Хрущеву.

Наш корр.

БАКУ (По телефону)

Назым ХИКМЕТ — *Неопубликованное стихотворение*

Завтра, 3 июня, исполняется первая годовщина со дня смерти Назыма Хикмета.

Апрель. 63-й год.
Через четыре дня буду в Москве.
И эта разлука останется позади
как дождливое шоссе.
Новые разлуки придут.
Окунусь в новые колодцы.
К новым возвращеньям задыхаясь побегу.
Потом — не Прага, не Танганьика —
уйду в никуда,
и не возвратят меня
ни корабли, ни самолеты, ни поезда...
Не пришлю ни телеграммы, ни письма.
Не рассмеешься мягко,
услышав голос мой в трубке.
Останешься одна.
Через четыре дня буду в Москве.
Здесь все утопает в солнце,
В Москве весна,
это сказала ты по телефону.
Слава богу, еще одна разлука
кончается моим возвращением.
Но во мне
ночь нашей великой разлуки,
во мне горечь твоей осиротелости,
во мне твое одиночество.
Одиночество:
ненасыщающий хлеб воспоминаний.
Может быть, год,
может быть, три месяца
одиночество
будет
тенью твоей...
Через четыре дня буду в Москве.
В Москве весна.
это сказала ты по телефону.
Через пять часов я буду с тобой.
В гостинице, в моем номере, —
солнце,
голоса мокрых птиц
— утром шел дождь —
и еще трамваи,
и еще время.
Время не движется.
Время замерзло.
Можешь взять и повесить на вешалку.
Можешь резать ножом.
Я как будто в тюрьме.
В тюрьме самый безжалостный надзиратель:
время.
В гостинице, в моем номере, — солнце,
Через два часа я на аэродроме.
Через пять часов в твоей голубизне.
Через пять часов — свобода...
Надо бы поставить
во всех гостиницах
мраморный бюст изобретателя самолета.

Перевела М. ПАВЛОВА

12 апреля 1963 г.

ФОТО ДНЯ

Впервые...

В течение нескольких лет днепропетровские медики под руководством профессора Дмитрия Павловича Чухриенко вели широкие исследования по изучению биологических свойств капрона, поролона и лавсана, применяемых в восстановительной хирургии. Они пришли к выводу, что лавсан — наиболее удобный, прочный и стойкий «медицинский» материал. На него не действуют солнечные и рентгеновские лучи, он не подвержен влиянию бактерий. Лавсан с успехом может выполнять в организме механические функции — при повреждении брюшных стенок, при дефекте диафрагмы. Свыше шестисот сложнейших операций пищевода, кишечника, почек и сердца с применением лавсана (из них сто на сердце!) сделал профессор Д. Чухриенко.

Используя лавсан, Д. Чухриенко впервые в мировой медицинской практике оригинальной операцией исправляет дефекты и асимметрию лица при параличе лицевого нерва...

Имя хирурга Д. П. Чухриенко, автора свыше 115 печатных трудов, известно далеко за пределами Украины...

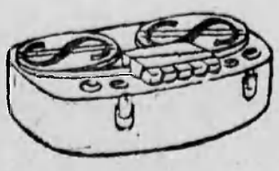
Фото Б. Виленкина

ПРЕСС-БЮРО „50 СТРОК"

СЛУШАЙТЕ, ГОСПОДА ПОТОМКИ!

Изобретение магнитофона дало человечеству в руки надежное средство, которое позволяет обратиться с речью к своим самым отдаленным потомкам. При наличии желания и некоторого досуга можно рассказать им всю свою жизнь. Но не каждый умеет рассказывать. В Соединенных Штатах обучать своих соотечественников этому непростому искусству взялся некто Лестер Уорден, написавший книгу «Живое завещание». Как сообщает журнал «Тайм», это пособие содержит в себе план жизни человека, который смело можно положить в основу при изложении своей биографии. Господин Уорден советует своим ученикам для развлечения потомков время от времени прерывать повествования музыкальными антрактами: записью песенок и любимых пластинок. Учитывая, видимо, опыт некоторых современных американских писателей, автор «Живого завещания» отговаривает читателей от рассуждений на политические темы. Никакой политики!

Как известно, самое трудное — это обратиться к собеседникам с первыми словами. Распространенная в США книга Дейла Карнеги «Как говорить в обществе» рекомендует в таком случае начинать речь бодро и уверенно, так, как будто «ваши слушатели должны вам деньги». Все ли обучающиеся общению с потомками по системе «Живого завещания» могут последовать этому совету и начать свое обращение словами: «Господа потомки, я оставил вам порядочное наследство...»? Как преодолеть робость тем американским налогоплательщикам, финансовое положение которых позволяет им прибегнуть лишь к скромному приветствию: «Здравствуйте, я ваш дедушка!..»?



М. ИЮНЬ

ПОМНИТЬ ЖИВЫМИ

Я ШАГАЮ ПО МОСКВЕ

СРЕДИ больших и массивных домов на Пятницкой, в Москве, есть один маленький, одноэтажный. Он весь будто подгибается под тяжестью медной мемориальной доски. На этой доске выбито: «Здесь в 1857 году жил Лев Николаевич Толстой». В окнах — занавесочки, цветы. Толстой работал в этом доме над «Казаками», задумывал «Юность»...

Как добрых знакомых встречаю я мемориальные доски. И каждый раз я задумываюсь: почему же такие серые, безликие на них тексты?

На улице Горького: «Здесь жил и работал поэт Василий Иванович Лебедев-Кумач».

Как-то я спросил у ребят лет по пятнадцати:

— Кто был Лебедев-Кумач?

— Ну, поэт, слова для песен писал.

— А к каким песням?

— ??

— А эту вы знаете: «Идет война...»

И они мне ответили:

— «народная...»

Я рассказал парнишкам, что эта песня прозвучала по радио в первые дни войны.

У мальчиков появился друг, а у девяти их товарищей этого друга, может, и не будет.

Кто же должен был позаботиться об этой дружбе? Может, надо было просто написать на мемориальной доске еще одну строку: «Он создал песню «Широка страна моя родная» и много других прекрасных и мужественных стихов».

Такой строки не хватает многим московским памятникам, мемориальным доскам, улицам. «Здесь бывал...» Но они не «бывали». Они — писали, работали, спорили, любили. Люди хотят памяти, которая говорила бы о живых.

С. ЗИНИН

ЯЗАЕХАЛ В УГОЖИ, к Кириллу Федоровичу, председателю колхоза «Россия», сижу у него дома и слушаю его жалобы на угожских колхозников, которые работают не больше шести часов в день, — это теперь-то, в уборку! Он рассказывает, что в селе не меньше пятисот человек трудоспособных, если считать всех жителей, а на покосе работает человек шестьдесят. Бригадир дает сведения о тех, кто работает, а про тех, кто не выходит на работу, не говорит, вернее, замечает, что это уж вы, председатель, разговаривайте с ними. На прополку огурцов вообще не выходили, опасались, а ну-ка уродит в колхозе — цены будут низкие, куда со своими деваться.

Мне представляется последним делом — жаловаться на колхозников.

Но я молчу. А Кирилл Федорович, чувствую я, подбирается к какой-то новой универсальной теории. Он говорит, что вот молодежь, недавно окончившая школу, ничего работает, — но только на машинах. Сено возить, пожалуйста, охотно возят, а вот косить вручную не хотят. Ручной труд молодежь считает зазорным, унизительным для себя, и это надо понять.

Голос Кирилла Федоровича приобретает былую уверенность.

Председатель решительно заявляет: механизация нужна, машины — вот в чем выход!.. Надо выровнять луга, покосы, надо сеять побольше клевера, тогда все сено можно будет убирать машинами. Останутся неудобные угодья — клочки, кустарник, — их надо будет стравливать скотине. В сущности, и пастьбу можно механизировать, не говоря о дойке. Таким образом, проблема будет решена — отпадет нужда в большом количестве рабочих рук. Пускай бегут, пускай себе пашут усадьбы... Много людей не потребуется.

Он замечает попутно, что пробовал усадьбы отрезать, — не помогло.

Рассуждает он энергично, безапелляционно, точно так же, как в свое время рассуждал о хозрасчете, о переходе на денежную оплату, полагая, что с помощью одних только этих средств — вообще-то разумных, как, разумеется, и механизация труда в сельском хозяйстве, — с маху решит все.

Но я сейчас не этому дивлюсь. И даже не тому, что председатель колхоза, вообще-то неглупый человек, не задался мыслью,

ИЗ ДЕРЕВЕНСКОГО ДНЕВНИКА

Ефим ДОРОШ

«Дождь пополам с солнцем» — так называются главы из деревенского дневника Е. Дороша, которые будут печататься в журнале «Новый мир» (№№ 6, 7).

В отрывке, публикуемом сегодня, речь идет об угожском председателе Кирилле Федоровиче. В его облике писатель подметил черты кампанейщины, маниловщины, еще встречающиеся среди иных руководителей колхозов.

откуда он возьмет денег, чтобы произвести мелиоративные работы, закупить сразу множество машин, да и продадут ли ему их в необходимом количестве. Меня не удивляет и то, что он как-то обошел такие производственные процессы, которые еще не механизированы или почти не механизированы, например, посадка, прополка и уборка лука, да и вообще овощей, — что же, там будут работать любители ручного труда или особенно сознательные колхозники?

Не маниловщина и прожектерство удивили меня.

Мне показалось диким, что в одном из древнейших русских сел сидит крестьянский сын, руководитель здешних крестьян, пашущих эту землю с незапамятных времен, и с некоторым даже злорадством мечтает, как он их заменит машинами, потому что они все вдруг потеряли охоту работать.

Признаться, такое понимание выгод механизации мне внове.

После обеда, во время которого происходит этот разговор, мы отправляемся с ним погулять, идем берегом озера, по-осеннему уже синего, темного и, когда подойдешь близко, прозрачного: дно просматривается. Мое внимание привлекают невысокие деревянные домики с решетчатыми дверцами, протянувшиеся вдоль берега. Я бы посчитал, что это курятники, но только зачем было ставить их возле озера, да и пометом здесь не пахнет.

Кирилл Федорович говорит, здесь у него были пекинские утки.

Он рассказывает, что купил некоторое количество этих уток, соблазнившись тем, что они крупны, дают отличный привес, а озеро у него — рядом. Когда набралось достаточно яиц, он отправил их на инкубаторную станцию, и получилось у него всего четыре с половиной тысячи голов, для которых он и построил этот лагерь на берегу озера. Но здесь утки почему-то стали гибнуть. Их находили на берегу с перекушенным горлом штук по сто ежедневно. Сперва нельзя было понять, кто их душит. Но скоро догадались, что это ондатра, выпущенная в озеро в тридцатых годах.

Посадили сторожа на берегу, несколько сторожей ездило на лодках — ничего не помогало... Все дело в том, как выяснилось, что местная серая, точнее, песочная утка — потомок дикой кряквы, она проворна, ныряет и уходит от ондатры, а вот крупная, жирная пекинка неповоротлива, изнежена, лишена инстинкта самосохранения. Конечно, гибнет и некоторое количество местной утки, но тем живучее оставшиеся.

Колхоз потерял три тысячи уток, не считая расходов по постройке и содержанию лагеря. Оставшихся уток увезли в далеко отстоящую от озера деревеньку, на пруды, но и там они гибнут будто бы от обыкновенных крыс, чему я не очень верю, — скорее всего, надоело с ними возиться.

Во всей этой затее есть что-то помещичье — были такие баре, прогоравшие на всяких новомодных заведениях. Иван Федосеевич, председатель из Любогостиц, разумеется, пекинских уток заводить не стал бы, о чем я говорю Кириллу Федоровичу, и тот соглашается со мной. Я рассказываю, что в прошлом году, когда пошло повальное увлечение птицефабриками, любогостицкий председатель тоже надумал было строить фабрику на миллион яиц в год, как он заявил однажды, но, когда я его потом спросил, как подвигается строительство, он ответил не очень внятно: пока погожу. Суть в том, что в здешних местах, где производство зерна развито слабо, а завезти дешевое зерно пока что неоткуда, разводить птицу нет расчета. Да и какой смысл в новых заведениях, как все новое, чрезвычайно хлопотных, когда старые, коренные местные отрасли, и посейчас нужные, прибыльные, глохнут, нуждаются во всяческой поддержке. Сведения, входящие в колхоз «Россия», например, в былое время специализировались в производстве картофеля, цикория, лука, чеснока, мяты, огурцов и некоторых других овощей — каждое занималось одной-двумя культурами преимущественно, причем все это производилось в количествах, значительно превосходящих теперешние. Но кого удивишь картофелем или, того более, чесноком? Вот пекинская утка — иное дело! Об утке и в газете напишут, потому что не только не перевелись, но без меры расплодились на Руси знатоки, которые, как писал сто лет назад Энгельгардт, судят о рациональности хозяйства по тому, что здесь сеют рапс и корова круглый год содержится на привязи и кормится накошенной травой.

Об этом последнем я не стал говорить Кириллу Федоровичу, как и о том, что «прогрессивный» помещик за все свои хозяйственные причуды платил все же из собственного кармана, тогда как за его, председателя, глупости, равно как и за убытки, причиненные прожектерством и административным пылом какого-либо областного начальника, платит колхозник.

ЕНИСЕЙСКАЯ КРУТИЗНА

В. КАДУЛИН

ТРИДЦАТЬ седьмая штольня — на 530-й отметке. Это 210 метров над Енисеем, чуть ли не вровень с будущей плотиной.

— Берегись троса!

Похожая на рыбину океанских глубин скреперная лопата, судорожно дергаясь, уползает в темноту штольни, сверкнув белизной отточенных зубьев. Мелко дрожит трос. Ходуном ходит под лебедкой помост — узенький козырек над сумасшедшим обрывом. Вздрагивают положенные на рычаги руки Алексея Кашина. Он стоит, чуть откинувшись, черным силуэтом на сером холстине неба. Где-то там, за ним, над верхушками сосен, стынет желтое солнце. А далеко внизу — Енисей и тусклые лбы порогов с коровьим названием Поскотина.

— Берегись троса!

Рыбина ползет обратно, тяжело волоча под брюхом груду серых камней, обрушенных в штольне взрывом, сталкивает их в отвал. Камни скачут вниз, с маху бьют в стволы беззащитных сосен, и те вскрикивают, роняя кору, долго трясут вершинами...

Алексей Медведев встает, бросив несколько слов напарнику, прячет в карман трубку и, зачем-то поглядев на солнце, берется за перфоратор — бурить шпуры для нового взрыва...

ОБЫДЕННО и просто, из ежедневных дел и забот, из привычных житейских радостей и огорчений, вырастает здесь, на таежном берегу, будущее.

Оно — и в толстом томе проектного задания, одном из многих, подводних итоги нелегкому труду геологов, геофизиков, сейсмологов, железнодорожников — изыскателей Саяно-Шушенской ГЭС. Вот она, высоченная, 236-метровая плотина, что дугой стянет на веки вечные крутые берега Енисея Внучка ленинской Шатуры и Волхова, младшая сестра Братской, Красноярской!

Младшая, но еще более могучая: 6,3 миллиона необыкновенно дешевых киловатт — такой будет ее мощность. Уникальная ГЭС, расположенная в самом центре будущего Саяно-Шушенского индустриального комплекса, вызовет к жизни гиганты большой химии, машиностроения, металлургии.

Сейчас на саянском плацдарме идет разведка боем. В прошлом году пришли в село Означенное бригады строителей с трассы Абакан—Тайшет, а в бывшем поселке горняков Майна высадился десант дивногорцев. И гремят сегодня взрывы на берегу Енисея, и рубят первые дома, и отсыпают первые кубы щебня в первые километры полотна дороги к Карловскому створу.

ЕНИСЕЙ... На исходе века, шлепая плицами по зеленой воде, пароход «Святой Николай» вез к Минусинску для отбывания ссылки в селе Шушенском скромного человека с живыми глазами — великого изыскателя будущей России.

Об этом неизбежно вспоминаешь, думая, каким великолепным продолжением Ильичевых дел, достойным свершением его мечты стала нынешняя Сибирь!

Мечта эта приходит в будничном рабочем обличье: в ковбойке геолога и брезентовой робе буровика, она будит тайгу ревом перфоратора и грохотом взрыва, она переговаривается со звездами огнями походных костров.

Любуясь сейчас выверенной точностью движений Алексея, я невольно вспоминаю: вот таких же крепко сколоченных, лихо орудующих отбойными молотками парней я встречал и на Коршунихе, где строится горнообогатительный комбинат, и в Крольском тоннеле на легендарной трассе Абакан—Тайшет, и в знаменитом на весь мир Братске.

Они не только любят, они умеют мечтать, мои современники. Вот и здесь, в Саянах, плацдарм будущего закладывается их надежными и сильными руками.

ЗДЕСЬ, на этой крутизне, где привольно лишь кабарге, что бьет свою узкую тропу из лощины в лощину,—как не просто было затащить под самое небо все эти механизмы, протянуть по обрывам многометровые плети труб «воздушки», сложить портал штольни, прилепить к скале треногу буровой! Человек—не кабарга. И чтобы одолеть эту крутизну, люди отвоевывали фугасом, ломом, кайлом—руками своими — каждый крохотный пятачок у почти отвесной скалы. И ладили стремянки. Одну сотню ступенек, вторую, третью... Сколько их—тысяча, полторы? Разномастных, сучковатых перекладин, торопливо наколоченных на длинные, неошкурованные жерди, что каким-то чудом цепляются за скалу и упрямо лезут вверх, к самому гребню.

«Шаган вперед, мой караван». Автор карандашных каракулей, оставленных где-то посредине пути, на белом срезе шатких перелец, был явный весельчак. Когда ребята идут на смену, они и впрямь похожи на вьючных верблюдов. У каждого за спиной побольше 20 килограммов: буровые коронки, масло, взрывчатка... Со ступеньки на ступеньку, сколько их — тысяча, полторы?

— Тяжело?

— Куда не просто. Ногой встать негде,—соглашается Медведев. — Волоком все. Блок за сосну, подцепил тросом — и пошел! Вон «космонавты» с соседней штольни запустили в обрыв лебедку, полдня выволакивали. В дуре-то полтонны!

Космонавты! Большой мир так неожиданно напоминает о себе. Мир, где есть ракетодромы и умные автоматы. А тут дедовская «Дубинушка», и лом, и кайло.

С лома, с топора начинается Саяно-Шушенская ГЭС, и «раз, два — взяли!» оглашает час рождения энергетического гиганта, что встанет вровень с другими чудесами века. Но прекрасна и песнь топора, если без него не подступиться к поросшим тайгой неприветливым Саянам: труднее всего первый шаг.

Да, потом придут мощные экскаваторы, длинношеи краны, многотонные самосвалы. И пробьет громкий час славы для героев перекрытия и пуска первой, затем последней турбины. Слава чаще достается тем, кто завершает дело.

А изыскатели уходят задолго до торжественного часа победы. Уходят на новый створ, на новую трассу готовить плацдарм следующего сражения. Их подвиг негромок, не освещен величием конечного результата. Их удел начинать, — они первопроходцы. Но именно в их делах мечта обретает свои первые зримые очертания...

УЛОЖИВ ребят, Ольга Ивановна идет к Енисею, на ходу отыскивая взглядом знакомый огонек. Лампочка над порталом штольни на другой стороне горит высоко, почти наравне со звездами.

Задерживается ее Медведев. Не случилось ли чего? «В штольне рта не разевай, — учил он как-то при ней своего напарника Кашина, — иначе без головы останешься!» Кашин пристал к ним на Джойском створе. Был человек соболя, валил лес, сплавлял плоты по Енисею, перфоратора и в глаза не видел. А теперь вот проходчик. Отчаянный мужик. Перетащил сюда семью: а у него ребятишек одних восемь душ...

Ольга Ивановна тихо идет по берегу, слушает, не застучит ли мотор «Бурного». Алексей напарника-то выучил, а сам не уберется. На восемнадцатой стукнуло-таки его камнем, долго потом за голову держался.

Вот так же тревожилась она за своего Медведева и на Джое. С первой минуты, как сошла с баржи на пошатнувшийся вдруг берег: укачало с непривычки. Бросилась к Алексею, завыла в голос: «Куда ты завез меня, непутевый!»

А разве не права была? Привел в палатку, а там еще десять человек, да все мужики. Жили за занавеской. Ох, и ревела она по ночам. Оттого, что не устроена толком их жизнь, что ничего, кроме четверых ребятишек, не нажито. Сейчас хоть дом есть. Да надолго ли? Куда опять занесет их судьба, в какие Саяны?..

Я рад, что познакомился с Ольгой Ивановной, маленькой темноволосой женщиной, которая к тридцати годам успела вдоволь всего натерпеться, но не сломилась, не разучилась смеяться. Рад, что побывал в доме Медведевых, где в единственной комнате со щелястыми стенами было тесно, но хорошо и покойно, как бывает в дружной, ладно живущей семье. Подруга изыскателя... Сколько таких вот героинь кочует сегодня по Сибири, мерзнет в бараках, кормит собою мошку. На их плечах весь дом. И надо учить ребятишек в школе, и лечить их, если вдруг заболеют. А все это в таежной глухомани совсем не просто. Но другого им не положено. Кто-то всегда должен прийти первым, чтобы начать, чтобы было легче другим.

ПЕТР Дорофеев, брат Ольги Ивановны (минуту назад она журила его при мне, что не сделал ей кочерги, что все шатается по девчонкам, а лучше б книжку почитал), невозможно кудрявый парень, похожий на деревенского гармониста из довоенной кинокомедии, ведет меня в четвертую штольню.

Штольня ярко освещена. Посредине — чудище о двух квадратных бетонных головах и с масляно блестящим пузом из спаренных домкратов. Диковинное сооружение тяжело вздыхает, щетинится ржавыми швеллерами, сторожко трогает скалу тонкими щупальцами реперов, унизанных круглыми коробочками индикаторов. Бетонные тумбы — «головы» — вертикальным давлением притиснуты к нижнему и верхнему сводам штольни, намертво срослись со скалой. Горизонтальные домкраты при строго определенном давлении должны сдвинуть эти тумбы, сорвать с места породу. Надо знать, как поведет она себя, когда плечи плотины упрутся в енисейские берега. Вот и лежат на матах по всем четырем углам гномы, «колдуют» над своими тетрадками, ведут только им понятный разговор:

— Сбрасываю вертикальное давление.

— Трещит! Трещит!

— Индикатор в другую сторону пошел!

— Ничего, это порода возвращается.

Там снаружи — ночь. Холодные звезды над Енисеем.

Если б ты мог догадаться, Енисей, что готовят тебе гномы, забравшиеся в чрево скалистых берегов. Они-то знают... Недаром они колдуют здесь вот уже пятнадцать часов, с утра, чтобы определить прочность породы на сдвиг...

Пройдет еще несколько лет, и над Енисеем в Саянах в память великого Ильича зажжется электрическое солнце в шесть миллионов киловатт.

А пока... В Карловском створе горят крохотные лампочки над порталами штолен. Горят на самых высоких отметках.

пос. КАРЛОВО, САЯНЫ

ПИСЬМА

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С НАДЕЙ РУШЕВОЙ

«Литературная газета» 14 мая опубликовала небольшой рисунок школьницы Нади Рушевой. Я заинтересовалась Надей и побывала в редакции журнала «Юность», где сейчас развернута выставка ее работ. Не знаю, что скажут художники-профессионалы, но мне кажется что перед нами случай совершенно необычный. Трудно даже поверить, что эти рисунки сделаны двенадцатилетней девочкой. Не следует ли организовать выставку Нади Рушевой в более общедоступном месте?

М. ВЛОДАВСКАЯ, экономист

РЕДАКЦИЯ ОТВЕЧАЕТ:

Мы ознакомили с этим письмом художника-графика В. Горяева.

— Ваше предложение, тов. Влодавская, — пишет В. Горяев, — заслуживает внимания. Рисунки Нади Рушевой действительно пользуются популярностью. Привлекает исключительный талант двенадцатилетней художницы. Ее рисунки лишены сомнения в истинности изображаемого. И эта убежденность покоряет и заражает зрителя. За рисунками возникает и характер, индивидуальность автора, я бы сказал, это—необычайно добрая ирония.

Возможно, что на Западе из Нади Рушевой уже сделали бы сенсацию и дешевой трескотней загубили бы незаурядное дарование. У нас совсем другие цели. Мы стремимся не только выявить талант. Мы серьезно озабочены дальнейшим развитием этого таланта.

Пользуясь случаем, я хочу сказать, что назрела необходимость завязать большой и серьезный разговор об эстетическом воспитании, о внимательном, бережном отношении к художественным способностям детей.

Виталий ГОРЯЕВ

□

СУДЬБА КИТАЙГОРОДСКОЙ СТЕНЫ

Мы узнали, что древняя Китайгородская стена, построенная в 1538 году, то есть более 400 лет назад, будет разрушена на участке от площади Ногина до Москвы-реки.

Просим вас помочь сохранить памятник старины.

Студенты Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана (всего 25 подписей)

РЕДАКЦИЯ ОТВЕЧАЕТ:

Получив письмо студентов, мы обратились к архитектору Д. ЧЕЧУЛИНУ — руководителю проекта гостиницы «Россия».

— Строительство гостиницы «Россия», реконструкция всего прилегающего и ней района предполагают огромный размах работ, коренным образом изменяющих облик всего Зарядья, — сказал Дмитрий Николаевич Чечулин. — По проекту планировки центра будет реконструирован и Китайский проезд: в этом направлении решено построить мост через Москву-реку.

Часть Китайгородской стены, о которой идет речь в письме, находится на реконструируемой территории, но, по утвержденному проекту, стена, примыкающая к площади Ногина протяженностью 80 метров, СОХРАНЯЕТСЯ. РАЗБОРУ ПОДЛЕЖИТ ТОЛЬКО НЕЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ПОЛУРАЗРУШЕННАЯ ЧАСТЬ ЭТОЙ СТЕНЫ.

Как видите, мы делаем все возможное, чтобы при реконструкции Москвы сохранить все ценное, что относится и истории столицы.

В заключение могу добавить, что все памятники, расположенные на реконструируемой территории, сохраняются и войдут в градостроительный ансамбль.

□

АРХАНГЕЛЬЦЫ ИЛИ АРХАНГЕЛОГОРОДЦЫ?

Уважаемая редакция!

В архангельской областной печати и по областному радио пишут и говорят «архангелогородец». Мне кажется это неправильно. По-моему, куда проще, мягче и красивее говорить и писать «архангелец». Прав ли я?

ПОНОМАРЕВ И. П.

АРХАНГЕЛЬСК

РЕДАКЦИЯ ОТВЕЧАЕТ:

Современной системе словообразования больше соответствует слово «архангелец». Однако и «архангелогородец» исторически имеет право на существование, оно отмечалось еще в «Словаре Академии Российской» (1789 г.), а позднее — у В. Даля в книге «Пословицы русского народа», но в литературной речи последнего столетия не употреблялось. Впрочем, если в местном диалекте до сих пор живет слово «архангелогородец», то оно может употребляться и в современном литературном языке.

Ожидаемые неожиданности

ТАЙНА СИНЕГО ЙОДА

ТРУДНО найти человека, которым не мазал бы йодом порезанный палец. Но никому еще, кроме самоубийц, не приходило в голову пить в чистом виде йодную настойку.

И все таки одному человеку такая странная мысль пришла в голову. Этот человек был врачом. В тяжелых условиях Севера, где люди гибли от эпидемий дизентерии, он трижды заражал себя этой страшной болезнью и в 4—5 дней от нее излечивался. Он пил йод. Это был йод, смешанный с обычным киселем.

Давно известно, что при отравлении йодом необходимо ввести больному в качестве противоядия раствор крахмала. Йод при этом теряет свою ядовитость, свойство обжигать ткани. Знал об этом и доктор биологических наук Владимир Онуфриевич Мохнач, когда надумал и решился испытать на себе антисептические свойства йодистого крахмала. «А что если, став безвредным, йод не утратил и своей лечебной, антимикробной силы?»— подумал он. Счастливая догадка оправдалась.

В течение тринадцати лет в очень сложной обстановке лечились средством доктора Мохнача заболевшие дизентерией люди. Это была хорошая клиническая проверка, которая не оставила никаких сомнений в том, что йодистый крахмал обладает высоким антимикробным и лечебным эффектом и совершенно нетоксичен при внутреннем применении.

Обычная пятипроцентная йодистая настойка, которая продается в наших аптеках, в соединении с раствором крахмала превращается в волшебное средство. Десять граммов — две чайные ложки — рыжего йода на пол-литра киселя, и йодистый крахмал, или синий йод, готов. Такое же окрашенное в синий цвет соединение получается при взаимодействии йодной настойки с синтетическим полимером — поливиниловым спиртом. Оказалось, что и это соединение обладает антимикробными и антивирусными свойствами. Его лучшая по сравнению с крахмалом растворимость сделала возможным использование его для внутренних вливаний.

«Йодинол» — так назвали новое средство.

Когда в московских и ленинградских институтах были получены положительные результаты испытаний йодинола при различных заболеваниях, Фармакологический комитет Министерства здравоохранения СССР разрешил широкое клиническое применение препарата. И вот результаты.

Йодинол вступил в борьбу с ревматизмом. Орошение и промывание лагун миндалин при острых ангинах и хронических тонзиллитах дало поразительный эффект. В одной из клиник Ленинграда двести больных хроническим тонзиллитом испытали на себе благотворное действие йодинола.

Все они выздоровели. У них повысились общий тонус и работоспособность. За период двухлетнего наблюдения обострение хронического тонзиллита в виде ангины наблюдалось только один раз у одного больного.

Такие же стойкие положительные результаты были получены при лечении йодинолом дизентерии, хронических колитов, воспаления среднего уха, ожогов, воспаления мочевого пузыря, трихомонпаза, гнойного туберкулезного плеврита, конъюнктивита.

Благодаря чрезвычайно широкому спектру действия йодинола нет необходимости в предварительном определении вида возбудителя. Это позволяет начать лечение немедленно и проводить его в сжатые сроки, что в свою очередь исключает возможность привыкания микробов к препарату.

Йодинол может быть использован не только для лечения, но и в профилактических целях — против микробных и вирусных заболеваний. Впрочем, его профилактические возможности имеют куда более широкий смысл. Мы говорим о профилактике старости.

Мечников указал на одну из причин преждевременного старения. Это хроническое самоотравление организма продуктами белкового распада, которые всасываются толстым кишечником. Вы помните знаменитую мечниковскую простоквашу? Принцип действия ее такой: молочнокислые бактерии, размножаясь, уничтожают вредную микрофлору кишечника. Йодинол действует в том же направлении, только куда более эффективно. Орошения толстого кишечника йодинолом, предложенные врачом П. В. Абразевич, предупреждают процессы гниения, оказывают местное бактерицидное действие, а всасываясь, по всей вероятности, предохраняют от склероза.

Йодинол оказался просто спасительным средством также в ветеринарии, при желудочно-кишечных эпизоотиях поросят и телят, тифе, диспепсии, ларинготрахеите кур, глистных заболеваниях животных.

Вот поразительные по своему эффекту примеры. В совхозе «Новый свет» Ленинградской области около пяти тысяч свиней заболело гастроэнтеритом. Положение было безнадежное. Дали йодинол. На третий день понос прекратился. В совхозе «Горячеисточненский» Грозненского района 154 теленка заболели диспепсией. После приема йодинола 149 животных выздоровели.

Велико преимущество йодинола перед другими средствами, особенно в ветеринарии, во-первых, простота изготовления (его может сделать каждая доярка), а во-вторых, низкая стоимость — 26—30 копеек литр. А так как привес больных животных при лечении йодинолом выше, чем при других методах, то фактическая стоимость лечения близка к нулю.

В этом году Ленинградский химико-фармацевтический завод согласно приказу Министерства здравоохранения должен приступить к промышленному выпуску чудесного препарата.

В лаборатории Ленинградского ботанического института имени Комарова под руководством Владимира Онуфриевича Мохнача продолжаются исследования йодинола.

Мы попросили ученого рассказать о физико-химических свойствах йодинола, в чем суть его действия.

— Изучая антимикробное действие препаратов йода, — ответил Владимир Онуфриевич, — мы обнаружили, что способностью убивать микробов обладают только окрашенные соединения йода. Это требовало объяснения. Мы стали изучать электронные спектры поглощения раствора бесцветных и окрашенных соединений йода. И оказалось, что йод в его окрашенных соединениях имеет способность убивать микробов. Стоит только с помощью той или иной химической реакции превратить положительно заряженный йод в йод с отрицательным зарядом, — моментально исчезает окраска, а вместе с ней и антимикробные свойства раствора.

Мне кажется, что йод, вырабатываемый в ничтожных количествах нашей щитовидной железой, также является йодом с положительным зарядом, чем и объясняется его биологическое действие.

— Каково будущее йодинола с вашей точки зрения?

— Возможности йодинола еще до конца не исследованы. Но ясно, что сила его в широчайшем фронте действия. Однако йодинол активен лишь при непосредственном соприкосновении с микробами, и дело искусства и творческой способности врачей добиться его проникновения в самые труднодоступные закоулки организма.

Г. БАЛЬДЫШ,
Г. НЕМИРКО

ЛЕТУЧИМ ДОЖДЕМ БРОШЮР...

Читая книги одного издательства

Н. СОКОЛОВА

ПОМНЮ их, первые брошюры Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, в одинаковых скучных «оберточных» обложках, — по большей части просто стенограммы лекций, лучше или хуже отредактированные, без особой заботы о форме изложения. Они были нужны, отвечали насущной потребности, их ждали, искали. Но книжицы эти, что греха таить, тогда (в начале 50-х годов) часто отпугивали читателя и своим унылым внешним видом, и стилем учебника, тяжелыми наукообразными фразами.

...И вот на моем столе книги издательства «Знание» последних лет — толстые и тонкие, любовно, со вкусом оформленные, приманчивые, посвященные разным отраслям научного, технического творчества, удивительным свершениям атомно-космического, кибернетического нашего века.

Приятно их разбирать. Увесисто становится на полку ежегодник «Наука и человечество. 1963» — толстый том, отлично проиллюстрированный, открывающийся девизом «Доступно и точно о главном в мировой науке», том, оглавление которого блещет именами крупнейших ученых разных стран. А рядом с этой «энциклопедией года» — удобные по формату, «карманные» подписные брошюры. «Научное творчество Л. Д. Ландау». «Меняется ли климат?» А ведь это верно — мы часто в наших застольных разговорах наталкиваемся на этот вопрос, обсуждаем его, причем без должных знаний и оснований, по-дилетантски. Так как же все-таки — меняется или не меняется?.. «Искусство Африки». На обложке великолепная скульптурная голова из Бенина, этого древнего города-государства, прославленного своим художественным бронзовым литьем (давно пора Бенину также войти в арсенал современного культурного человека, как вошли в него Афины или Флоренция). Ну, правильно, ведь издательство призвано нести и гуманитарные знания пропагандировать искусство, литературу, историю... «Загадки раздражимости». А это уже медицина, биология... «Философские вопросы математики»... Серия «Литература и искусство». Тут и «Искусство быть читателем», и книги о социалистическом реализме, и анализ отдельных произведений.

В 1963 году издательство выпустило свыше 24 миллионов книг и брошюр. Около 17 миллионов — таков общий тираж подписных серий, посвященных физике, химии, математике, астрономии, геологии и географии, технике, сельскому хозяйству, международным проблемам, педагогике, философии, вопросам права, литературы и искусства... Эти цифры говорят о невиданной, все нарастающей жажде знаний в нашей стране, о необычайно широко распространившейся всеобщей потребности познавать и осмыслять новейшие открытия ученых, следить за движением научной мысли. Вот почему такое значение приобретает сегодня книга о науке. О ней надо думать, говорить. Благо сегодня как раз всесоюзное общество «Знание» собирается на свой 4-й съезд. Пусть же разговор о книге будет на повестке дня.

НАУКА разливается все шире, а с ней — и литература о науке. Огромные цифры тиражей, длинные списки названий будут расти и расти, а вместе с тем будет расти потребность в квалифицированных авторах. Эти кадры нужно готовить — серьезно, планомерно, продуманно.

Что тут можно сделать? Если студентам литературных, гуманитарных вузов надо помочь «добрать» науку, технику, то, с другой стороны, людям со специальным образованием, научным работникам или инженерам, владеющим пером, тяготеющим к популяризации, надо дать возможность получить литературные навыки, «добрать» литературу. Большую роль могли бы сыграть лекции таких мастеров жанра, его видных практиков и теоретиков, как Б. Агапов, Д. Данин, В. Орлов, О. Писаржевский, Ю. Вебер, К. Андреев и другие. Может, стоило бы открыть курсы для тех, у кого уже есть один диплом и есть стремление к литературной работе? Такие курсы стали бы готовить авторов книг о науке, а также редакторов этих изданий (такая профессия уже возникла, но питается случайными пополнениями).

Работники издательства «Знание», энтузиасты своего дела, мечтают о широких масштабах пропаганды познавательной книги, считают, что пришло время создать Всесоюзный дом научно-популярной и научно-художественной книги. И в самом деле, такой единый центр мог бы принести много пользы. Но это, вероятно, дело не одного дня, а пока что хорошо было бы иметь в Москве хотя бы магазин «Книга о науке», где стали бы встречаться читатели и авторы, обмениваться мнениями.

КНИГИ о науке создаются двумя путями: ученый становится популяризатором — или литератор приходит к науке. Издательство «Знание» правильно делает, работая и в том, и в другом направлении.

Просто, доступно, увлекательно рассказывают о сложнейших проблемах современной физики, о ее взаимодействии с другими науками члены-корреспонденты Академии наук СССР В. Емельянов, Н. Эмануэль, В. Гольданский, профессора Б. Кузнецов, А. Мосевич и другие (в содержательной книге «Физика: близкое и далекое»). Без ложной наукообразности, удивительно живо и занимательно написал академик Е. Павловский о паразитологии, которой он отдал более полувека.

А с другой стороны, писателя, журналиста, избравшего себе определенную отрасль науки, серьезно ее изучившего и овладевшего трудным искусством популяризации, тоже ожидает успех — об этом свидетельствуют книжки М. Яновской (физиология), М. Поповского (селекция), Л. Ивановой (педагогика), И. Радунской (космические частицы), В. Володина (хирургия), В. Азерникова (молекулярная биология).

Отрадно, что издательство за эти годы научилось дифференцировать безликое, абстрактное понятие читателя вообще. Оно использует для пропаганды знаний разнообразные литературные жанры — от публицистической статьи до научно-фантастического рассказа.

Разумеется, дело не обходится без неудач, огрехов. Некоторые авторы пишут слишком сухо, специально. Другие, наоборот, грешат наивной беллетризацией, занимаются «украшательством».

Но когда не раскрыта и не опознана самая основа основ, самая суть творческих исканий, то не помогают, как известно, ни «озорные серые глаза» любознательного мальчишки с падающим на лоб «пшеничным чубом», ни живописные морщины «огромного, немного сутуловатого» бывалого капитана.

В нужных, полезных книжках, выпущенных издательством «Знание», попадаются иной раз такие абзацы, которые производят почти комическое впечатление: «Стремление к красоте — естественное желание всех людей. В советском обществе понятие о красоте человека неразрывно связано с представлением о его физическом здоровье, высоком нравственном облике и внутренней культуре. Определенное значение имеет(?!) и внешность человека...» Познавательную книгу нужно редактировать тщательно.

ХОТЯ издательство «Знание» стремится к многообразию тематики, но надо сказать, что большие темы времени — химия, интенсификация сельского хозяйства — еще не нашли себе настоящего, полнозвучного выражения. Мало выходит книг на эти темы, да и книги эти не запоминаются, не становятся событием. А хочется, чтобы о большой химии, о насущных проблемах сельскохозяйственного производства авторы заговорили во весь голос, хочется, чтобы все больше появлялось научно-популярных и научно-художественных книг, которые, писал А. Ферсман, «нужно читать, вникая в каждое слово, не пропуская ни отдельных страниц, ни даже строк или слов».

И мы верим — такие книги появятся!

Заметки критика

«ДАЙТЕ КРЕПКИЙ СТИХ...»

Ал. МИХАЙЛОВ

ЕСЛИ СПРОСИТЬ, почему пишутся плохие стихи, то, очевидно, больших затруднений с ответом не будет. Отсутствие таланта, опыта, профессионального умения или легкомысленное отношение к поэтическому творчеству в конкретных случаях почти исчерпывающе объяснят это явление. Но на вопрос, почему печатаются плохие стихи, ответить несколько труднее. И еще труднее найти безошибочный эстетический критерий стиха, который позволил бы, не колеблясь, отделять хорошее от плохого, истинно поэтическое от ремесленного сочинительства.

Правда, не так давно в «Литературной газете» В. Ермилов писал: «Теперь, кажется, у любого школьника вызывают улыбку все виды штампов, имитаций чужих интонаций, чужих манер, несамостоятельность, кокетство».

Ах, уважаемый Владимир Владимирович! Если бы это было так... Что там школьники! Даже образованные папы и мамы — редакторы и критики — иногда не только не улыбаются, встречаясь с такого рода поддельками под искусство, но, как вы сами показали в своей статье, принимают их всерьез, печатают, а милые школьники читают и — представьте! — частенько без улыбки.

Да и как бы все было просто, если бы, уже сидя за школьной партой, наш читатель научился безошибочно отличать истинное искусство от искусных ремесленных подделок под него. А то ведь: «Искусство часто путают с искусственностью...» Это утверждает поэт Леонид Мартынов, и он, мне кажется, прав.

Я полностью разделяю ту озабоченность, которую творческие работники проявляют по поводу эстетического качества литературы и искусства.

Михаил Луконин в книге «Товарищ поэзия» с тревогой пишет в том, что в нашей поэзии «очень уж благополучно себя чувствуют копии, подделки, заменители».

«Если слово поэта — оружие в идейной борьбе, оно не должно быть покрыто ржавчиной. Необходимо постоянно держать его отточенным и готовым к бою», — так заканчивает недавно вышедшую «Книгу про стихи» Владимир Огнев, книгу, важнейшим тезисом которой является тезис об идеологичности поэтического мастерства.

«Мы платим баснословно дорогую цену за снижение эстетических критериев, дезориентируя читателя, зрителя, в тех случаях, когда критика снисходительна к серым и посредственным произведениям», — делает вывод И. Астахов в «Литературной газете».

Мы по праву гордимся серьезными достижениями советской литературы и искусства и с тем большим основанием должны объявить войну серости.

Эстетический критерий литературы и искусства в целом становится выше. Но значительно быстрее растут эстетические вкусы, общая духовная культура наших читателей и зрителей. Все меньше и меньше людей могут довольствоваться «искусственностью», суррогатом искусства, все больше и больше людей тянутся к настоящему, высокому искусству.

У нас издается огромное количество книг. Одних только поэтических сборников на русском языке ежегодно выходит несколько сот. Среди них есть истинно поэтические, талантливые книги. Но посредственность подавляет количеством — вот в чем беда.

Прекрасное начинание предприняло издательство «Молодая гвардия». Я имею в виду дешевое массовое издание библиотечки избранной лирики. Очень хочется, чтобы велась она любовно, профессионально грамотно. Не знаю только, верный ли тон взяли ее создатели, объявив в аннотации, что «великолепный русский язык, художественная законченность стихов, наполненных (?) переживаниями и чувствами нашего народа, определяют лицо книжек».

Конечно, у Н. Тихонова и О. Берггольц, А. Твардовского и Я. Смелякова и других крупных поэтов найдется достаточно стихов такого уровня для небольшой книжки, но ведь наряду с ними названы и молодые поэты, для которых «великолепный русский язык» и «художественная законченность стихов» являются пока целью, но не достижением.

Но это уже попутно, по горячим следам. От желания добра новому начинанию. И от желания в разговоре о поэзии быть поближе к предмету. Поэтому же я приведу некоторые конкретные примеры профессиональной нетребовательности и снижения эстетических критериев в поэтической работе.

НИЧТО так не обезличивает поэзию, как средний уровень. Откровенно плохие стихи в конце концов, минуя одного редактора, застрянут в столе другого. «Средние» стихи, помимо того, что плодятся они необычайно скоро, имеют большую «проходимость», перепечатываются из сборника в сборник, чтобы потом тускло забронзоветь в массивном слитке «Избранного», И вот тут-то наступает самое время канонизации «средних» стихов. Штамп «Избранного» оказывает магическое действие, в нем видится отблеск бессмертия, и критики уже не решаются подходить к этим стихам с обычными критериями. Посредственность, освященная авторитетом солидного издательства, становится добычей диссертантов, а те, в искреннем стремлении открыть новые таланты, возводят ее в ранг высокой поэзии.

Вся трудность борьбы с посредственностью в том и заключается, что уличить ее почти невозможно. Попадается такое стихотворение, не хорошее и не дурное, можно его печатать, так как сильно ругать за это не будут, а можно и не печатать, ибо радости оно никому не доставит.

А не печатать — это значит возвратить рукопись. «Возврат рукописи — болезненная операция», — засвидетельствовал Евгений Винокуров в стихотворении «Заведующий поэзией». И рассказал, к каким горьким последствиям это приводит в отношениях с поэтами. Винокуровский «заведующий поэзией» ловко выпутался из положения: раз это «болезненная операция», то

Я стал ее делать под наркозом.
От меня уходили теперь,
Прижав к груди отвергнутую рукопись,
С сияющим лицом,
Со слезами благодарности на глазах.

А вот редакторы, в большинстве своем народ мягкий, лишенный столь смелого воображения, имеющий дело с отнюдь не условной и весьма энергичной посредственностью, чаще всего не могут устоять против ее могучего напора.

Как же все-таки вытравить посредственность из печатных изданий? Как сократить количество се-

Поздравляем юбиляра

К. Финну — 60 лет

Свой юбилей отметил драматург Константин Яковлевич Финн, автор многочисленных пьес, идущих на сцене советского театра.

— Писатели Москвы горячо поздравляют Вас, большого советского драматурга, с Вашим славным шестидесятилетием, — говорится в приветствии Московского отделения Союза писателей РСФСР.

— С Вашими пьесами связаны многие и многие большие актерские победы и многие подлинно режиссерские открытия. Будьте по-прежнему молоды, боритесь за наше общее дело — родное советское искусство — с такой же горячей партийной страстью, будьте здоровы и счастливы, дорогой Константин Яковлевич!

***

«Литературная газета» присоединяется к этим сердечным пожеланиям.

На этих днях по улицам болгарских городов, поднимая над собой книги, прошли колонны манифестантов, отмечающих День просвещения, культуры и славянской письменности. На снимке вы видите юных демонстрантов города Варна.

Фото М. Трахмана

У литературной карты Родины

ЗАМЫСЛЫ, ПОИСКИ, КНИГИ

ГОД работы, год больших творческих раздумий, вызванных памятной всем встречей руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, — позади.

Советские писатели, в том числе и литераторы Кубани, восприняли советы и указания партии, выступление Никиты Сергеевича как выражение заботы о том, чтобы советская литература всегда была активной участницей всенародной борьбы за коммунизм.

На призыв партии писатели отвечают делами. Назовем книги, выпущенные литераторами Кубани только за последнее время. После повести «Схватка», вызвавшей серьезные возражения критики, В. Пальман написал и в этом году опубликовал в журнале «Дон» повесть «На берегу Кубани», в героях которой угадываются Светличный и Первицкий. После неудачного рассказа «Одно укромное место» В. Логинов обратился к своим старым друзьям, людям колхозной деревни, и написал о них рассказы и повести. В. Попов недавно выпустил роман «Ты за все в ответе». В главном герое романа, председателе колхоза Нечае, читатели Кубани узнают черты прославленного колхозного вожака Мешкова, который в свое время перешел из крепкого хозяйства в отстающее и вывел его из прорыва.

Литераторам Кубани нет нужды специально ездить за темами и характерами «в жизнь». У каждого есть свой излюбленный «передний край», свой круг героев, постоянное общение с которыми дает особенно наглядную картину радостных перемен в жизни. Г. Федосеев, выпустив завоевавшую популярность книгу о землепроходцах «Смерть меня подождет», снова отправился на Север, встретился со своими героями и написал о них сценарий для фильма. Б. Тихомолов побывал у азовских рыбаков, написал повесть «Два этажа и выше», Г. Соколов подготовил повесть «А я верю» — о рабочих-цементниках. Несколько лет назад А. Панферов напечатал неудачный роман «Третий горизонт»: производственные проблемы заслоняли в нем духовный мир человека. Писатель решил снова вернуться к героям своей книги. Есть все основания надеяться, что вскоре выйдет интересная книга об изыскателях нефти.

С новыми произведениями выступили за последний год и другие писатели Кубани. Стоит назвать роман «Иван-чай» А. Знаменского, сборник повестей и рассказов В. Монастырева «Норд-ост», повесть Л. Пасенюка «Тысяча девушек». Много споров вызвал роман П. Иншакова «Были два друга». Писатель внимательно отнесся к критике и в новом издании романа устранил многие недостатки. Сейчас П. Иншаков начал работу над большим произведением о людях колхозной деревни.

ПИСАТЕЛИ Кубани считают своим долгом принимать самое непосредственное участие в жизни коллективов, где трудятся их герои. В этом году И. Варава, В. Подкопаев, И. Беляков и другие взяли шефство над колхозами и совхозами коммунистического труда.

О нефтяниках, которые всегда были излюбленными героями книг писателей Кубани, сейчас пишет повесть А. Знаменский. В. Пальман, В. Попов, Г. Соколов опубликовали серию очерков о первенце кубанской химии — Афипском газобензиновом заводе, о Краснодарском заводе пластмасс. Литераторы края решили в этом году подготовить и выпустить сборник очерков о людях кубанской химии.

В прошлом году краевое отделение Союза писателей провело семинар молодых литераторов, в большинстве своем людей, связанных с производством. Семинар выявил много одаренной творческой молодежи. Участники семинара подготовили для краевого издательства свои первые книги, а А. Зимин недавно издал свой первый сборник стихов «Тайны гор».

Важное значение придаем мы усилению творческой связи с художниками, работниками театров, композиторами. В «Клубе писателей» члены творческих союзов знакомят друг друга с новыми произведениями. Театр и отделение Союза писателей проводят совместные обсуждения пьес. Усиление творческих связей писателей с деятелями искусства благотворно сказалось на жизни наших организаций. В результате этого, например, в Краснодарском театре родился музыкальный спектакль «Степные огоньки» — композитор В. Володин написал музыку к пьесе драматурга В. Дармодехина, герои которой — усть-лабинские колхозники, зачинатели всесоюзного соревнования за высокие урожаи.

Наша писательская организация начала подготовку к 50-летию Советской власти и к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. К тому времени будет завершена работа над многотомными эпическими произведениями о революции, о гражданской и о Великой Отечественной войнах (романы «Ледяной поход» Г. Степанова, «Перед грозой» П. Вишневского, «На заре» П. Радченко, «Нас ждет Севастополь» Г. Соколова, трилогия о партизанах Отечественной войны П. Игнатова). Кроме того, писатели подготовят книги для «Кубанской библиотечки историко-революционных произведений». Это будут повести и рассказы о боевых героях и героях труда.

Глубоко приобщаясь к жизни народа, лично участвуя в его борьбе за торжество коммунистических идеалов, писатель обретает творческое вдохновение.

Н. ВЕЛЕНГУРИН,
ответственный секретарь Краснодарского краевого отделения Союза писателей РСФСР

Рыцарь революции

Вера ИНБЕР

Исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося деятеля международного рабочего движения Ф. Я. Кона.

ФЕЛИКСА Яковлевича Кона я встречала у дочери его Елены Феликсовны Усиевич, с которой была дружна.

Это было в начале тридцатых годов. Елена переехала в только что отстроенный многоквартирный дом, который и сейчас, по старой памяти, именуется в быту Домом правительства.

Еленина квартира была на первом этаже, а на той же лестнице, только повыше, жили ее родители. И Феликс Яковлевич спускался иногда к дочери попить чайку или просто так посидеть, потолковать. Только ненадолго. Он всегда был занят, всегда в действии, всегда в движении.

Приход Феликса Яковлевича доставлял радость. Весь его облик был совершенно своеобразен, трудно повторим. Острый, порой даже сверлящий, чуть насмешливый, но такой добрый взгляд поверх очков, полуседая бородка, порывистая жестикуляция, удивительно милый польский акцент, горячая заинтересованность в беседе — таков был Феликс Кон.

А за плечами какая жизнь! Какая огромная жизнь!

Революционная юность в Варшаве, аресты, тюрьма, ссылка в каторгу на Кару (одно это слово бросало в дрожь), затем высылка на поселение в далекий Минусинск, эмиграция. И, наконец, возвращение в Россию. Полная, пламенная, рыцарственная самоотдача великому делу русской революции. Ее нуждам. Ее культурным запросам...

По дороге в Шушенское к Владимиру Ильичу Надежда Константиновна Крупская побывала в Минусинске. И вот что мы читаем в ее воспоминаниях: «Заходила к Ф. Я. Кону, польскому товарищу, осужденному в 1885 г. на каторгу по делу «Пролетариата», много перенесшему в тюрьме и ссылке; он был для меня окружен ореолом старого непримиримого революционера, — ужасно он мне понравился».

Этим теплым, задушевным высказыванием и хочется закончить строки, посвященные светлой памяти замечательного человека, пламенного революционера Феликса Яковлевича Кона.

Агния БАРТО

Такая уж притворщица!

Я осторожно, по бревну,
Иду через речонку,
А за собой тяну, тяну
Смешливую девчонку.
Она вопит: — Ой, утону.
Она хохочет звонко,
А я тяну ее; тяну,
Как малого ребенка.
Потом мы мчимся под дождем,
Мы прыгаем по лужам,
Мы под дождем
Друг друга ждем.
Да, я с девчонкой дружен!
Кричат мальчишки мне:
— Жених!
Я взлюсь, конечно,
Взлюсь на них,
Но чувств своих не выдам,
Иду с небрежным видом.
Пускай хоть в школьный
«Крокодил»
Строчат они заметку, —
Я с ней дружу, я с ней ходил
И в лыжную разведку.
Она летит с горы крутой,
Летит и не поморщится,
А мне кричит: — Боюсь! Постой!
Такая уж притворщица!

ДОСТОЙНО ЛИ морально устойчивого человека обедать в ресторане или его удел — лишь диетические столовые с самообслуживанием?

Наш вопрос — не плод досужей игры ума. Над ним всерьез побуждает раздумывать роман Валентина Речмедина «Идем со мною, сын!», опубликованный в журнале «Жовтень» (№№ 1—2, 1964 г.), поиски которого, кстати сказать, за последнее время во многом плодотворны. Герой этого романа не без авторского, разумеется, наущения, именует рестораны «такими местами», где в «похожих на кошары залах... сотни людей скопом... «принимают пищу» и где всегда все идет «заведенным в подобных местах порядком»: официанты склоняются «угодливо», а оркестр «безумствует», оглушая посетителей «истерическим ревом джаза» и «грудой железного лома» обрушивая на них «хаос звуков». Устрашающая картина, не правда ли? И как тут не повторить слова — «шабаш ведьм», или еще более определенное — «паскудство», которые произносят главный герой романа и мелькнувшая на секунду юная дружинница!

Не спешите объявлять приведенные выдержки досадным курьезом. Курьез-то курьез, но, увы, не случайный в произведении В. Речмедина, названном в подзаголовке «полемическим романом». Ведь тем и примечательна увлекшая писателя полемика, что она сведена в большинстве случаев к несусветным преувеличениям, обилие которых навевает небезосновательное сомнение в жизненной доподлинности изображаемого.

В. Речмедин желает представить разыгранную на страницах романа баталию как столкновение идей. Без сомнения, у автора были добрые намерения — осудить мещанство, — но «дистанция огромного размера» пролегла между замыслом и воплощением. Все содержание романа не пошло дальше банальной притчи о блудном сыне, который вырос в семье хорошего папы, отставного полковника Рыбалко, и мещанки мамы Инессы.

Не скупясь на пространные сообщения заполонившие 130 страниц журнального текста, писатель информирует нас о том, что Валерий — лоботряс, что он с «тоскливым выражением на лице потихоньку мурлычет какую-то джазовую бездельицу» и остается «равнодушным и солнечному колыханию, и манящему мареву дали», что он «завел подозрительных дружков», у которых «сердца начали обрастать шерстью», что на челе его лежит печать «душевной лености, дремотного безволия», что частенько «от него несло густым перегаром, смесью табачного смрада и ароматом нежных женских духов».

Под стать сыну и мама, которая именует своего любимца «современным человеком», бойко тараторит «о праве молодого поколения» «наверстать то, что проворонили» старшие. Нужно ли разъяснять, что у нее самой «интерес к одежде перерос едва ли не в болезненное увлечение», что вокруг нее колдовали мастера индпошивов, подгоняя и ее формам умопомрачительную заокеанскую парчу»?

Но бог с ними, с этими мещанами, созданными по бесхитростному антихудожественному стандарту. Нас гораздо более интересуют герои положительные — генерал Ясницкий (дед Валерия) и полковник Рыбалко (его отец) — их жизненная позиция. Прославленные боевые командиры, они оказываются вдруг безоружными перед мещанами, которые наперебой стремятся перещеголять друг друга и в неприкрытом глумлении над нашей жизнью, и в частнособственнических притязаниях, и в циничном издевательстве над матерью Рыбалко, простой труженицей из колхоза.

«И идет себе молча прочь» — эта не однажды повторенная автором ремарка становится едва ли не единственной «защитной реакцией» генерала и полковника на все безобразия матери и сына. Они «идут прочь», когда в их семью проникает отъявленный, с первой же минуты до кончиков ногтей ясный жулик Несмеян. (Инесса делается в конце концов его любовницей!) «Идут прочь», когда становятся очевидцами пьяных дебошей Валерия в ресторане и дома. «Идут прочь» — и то и дело хватаются за сердце, теряют сознание от раскрывающихся старых ран, получают инфаркты миокарда... Так не в меру сгущенными оказываются в романе краски, таким безнадежным — положение любимых героев писателя. Ни домочадцы, ни сама милиция города Киева не могут найти управу на трех распоясавшихся мещан.

Возможно, В. Речмедин считает, что это и есть «полемика». Но кто сказал, что наших положительных героев характеризует такая дряблость духа? И можно ли именовать полемикой ту незатейливую словесную игру, которую ведут речмединские герои? Вот, скажем, полковник Рыбалко — наедине с собой он гневно клеймит мещанку-жену, вспоминая про «жен декабристов», которые «отреклись от всего — от сытой, беззаботной жизни в райской роскоши во имя наивысшей радости души — во имя любви к мужу-другу», и Аниту Гарибальди, воплотившую «идеал... женщины, которая, полюбив раз и навсегда, делит с сердцем друга все, что предлагает жизнь, — наслаждения и горькую полынь, радости и страдания, которая не побоится стать рядом с мужем-другом и в смертельном бою». Но во всех ссорах со своей женой он, грубо говоря, пасует и чаще всего, «чтобы не доводить себя до худшего», опять же выбегает «из комнаты, хлопая за собой дверью». На риторические вопросы и восклицания герой не скупится. Куда скромнее он в действиях и поступках...

Правда, под занавес, словно спохватившись, что одних его речений явно недостаточно, полковник Рыбалко превращается из пресно рассуждающего героя в героя действующего. Он решается на труд во благо людей. Надеясь, что его шаг произведет и на Валерия «соответствующее впечатление», полковник Рыбалко возвращается в родное село, где не был уже лет двадцать, и становится во главе бригады свекловодов-механизаторов. Отныне «...призвание делать людям добро, не жалея сил, он осуществляет не декларативно, а в поте лица своего».

Увы, декларативно! И как еще декларативно! Ведь конкретному действию, поступкам героя писатель и здесь предпочел свою беглую информационную скоропись.

В СВОЕ время Плеханов говорил о мещанской критике мещанства. И видел одно из ее существеннейших проявлений в «детской игре серьезными понятиями».

В такой «игре», вытеснившей в романе углубленную разведку человеческих характеров и жизненных явлений, у В. Речмедина недостатка нет.

Терзаясь, что они проглядели Валерия и позволили «чужим силам прокрасться в юную душу парня», генерал Ясницкий и полковник Рыбалко не однажды напомнят, что Валерий и его приятели «перехватывают те ветры, которые дуют из заграничных помойных ям». Только создается при этом впечатление, будто сам-то полковник не всегда понимает и тем более не всегда способен правильно разъяснить своему сыну, что западная музыка — не обязательно «варварская», что романы Ремарка, при всей необходимой критичности отношения к некоторым их сторонам, — вовсе не учебное пособие по алкоголизму и т. д. Нельзя так неосмотрительно бросаться словами — они, чего доброго, вскроют в герое тот самый комплекс неполноценности, который нередко ведет к затрапезному мещанскому хайжеству. А хайжество всегда неприятно, тем более, что оно — и в этом наглядно убеждает роман «Идем со мною, сын!» — вовсе не гарантирует неуступчивую трезвенность. «Если уж на то пошло, то наши напитки — лучшие». — в полном серьезе и с чувством горделивого превосходства увещевает полковник Рыбалко своего незадачливого отпрыска. И хотя за сим следует фраза: «хотя хорошо было бы, если бы и без них обходились», ее не следует брать в расчет: сам же полковник убедительно опроверг себя, когда посетив родной колхоз, сполна воздал должное отечественной горилке...

...В ФИНАЛЕ романа повествуется о том, как в палату к выздоравливающему после инфаркта полковнику Рыбалко является с повинной Валерий в сопровождении секретаря райкома партии. Отныне блудный сын перестанет курить заморские сигареты и пить заморские коньяки, а также возлюбит наддиепровские парки без того, чтобы средь бела дня покушаться на десятиклассниц, готовящихся к экзамену. Но не пробуйте полюбопытствовать, с чего это вдруг, как и почему произошла с Валерием подобная метаморфоза, — любопытство ваше останется неудовлетворенным. И даже еще больше заинтригованным, когда из уст отца вы услышите: «Пустое... это когда-то было», а из уст секретаря: «что было, то быльем поросло».

Вот так раз! И «пустое», и «поросло».

Но к чему же тогда вообще были все эти мещанские ужасы, которые коллекционировал В. Речмедин в своем «полемическом романе»?

■ ■ ■

ПАРОДИИ И ШАРЖИ

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

«...Ах, письма мне пишите,
Скажите все слова.
Со мной дружить спешите.—
Успеете едва...»

Михаил ЛЬВОВ.
(«Предупрежденье»)

Ах, мало мне осталось,
Творить,
Любить.
И жить,
И я хочу под старость
Друзей предупредить.
Пожалуйста, не верьте,
Коль снажут обо мне,
Что въехал я в бессмертье
На розовом коне.
Страдал и я жестоко,
Но лопалась броня,
И милые пороки
Тащили в плен меня.
Недолго жить осталось,
Год, два — уже и стар.
А там, гляди, усталость,
Колит,
Гастрит,
Катар.
Но вен недаром прожит,
И я не так уж прост:
Вот сморо мне предложат
В Союзе важный пост.
Кто гений, кто не гений,
Легко решим тогда.
Не бойтесь восхвалений!
От преувеличений
Поэт не даст дрозда.
Когда дорвусь до власти —
За все добром воздам:
За патоку,
За сласти
И прочий фимиам.
Любить меня спешите,
Кончина на носу,
Хвалите,
Возносите —
Я все перенесу.

Александр ЯШИН

Ох, уж эти читатели...

Журнал мне друг...

В февральской книжке «Невы» за этот год под рубрикой «Публикации» напечатан рассказ А. Н. Толстого «Великое и малое». В примечании к рассказу А. Ходюк сообщает: «Публикуемый рассказ А. Н. Толстого был напечатан 1 января 1924 года в «Красной газете». Позже рассказ нигде не публиковался и не входил ни в одно собрание сочинений писателя... Писатель не считал рассказ «Великое и малое» окончательно завершенным и назвал его «наброском», как бы подчеркивая, что это только эскиз будущего произведения, к которому, однако, так и не вернулся».

Журнал мне друг, но истина дороже. Загляни А. Ходюк в третий том широко известного десятитомного собрания сочинений А. Толстого (Гослитиздат, 1958), он обнаружил бы там рассказ «В снегах», который, если не считать нескольких незначительных разночтений, как две капли воды, похож на «не входившее ни в одно собрание сочинений» «Великое и малое». Рассказ в свою очередь снабжен комментариями, в которых говорится: «...впервые напечатан в сборнике А. Толстого «Черная пятница. Рассказы 1923—1924 гг.»... Неоднократно включался в сборники произведений автора и собрания сочинений. При переизданиях рассказа автором проводилась правка стилистического характера».

Неужели автор публикации изучает произведения А. Н. Толстого по одним названиям, не заглядывая в текст?..

К. ПОНОМАРЕВ

ЛЕНИНГРАД

Молдавский художник Глеб Саинчун работает в таком своеобразном жанре, как маска. Весной 1963 года в Кишиневе открылась выставка, где были представлены маски его работы, а также дружеские шаржи на деятелей литературы и искусства Молдавии.

Новые шаржи и маски Глеб Саинчун показал на очередном «вторнике» «Литературной газеты».

Егор Исаев

Юрий Казаков

Дружеские шаржи Г. САИНЧУКА

рых, ничтожных книг, наводящих скуку и уныние на читателя? Есть только одно средство преградить дорогу в печать посредственности: эстетический вкус, образованность и твердый характер редактора.

ДОБРЫЕ редакторы, проявляя сочувствие к добрым намерениям автора, публикуют плохие стихи, забывая, что они наносят вред делу эстетического воспитания читателя.

Я думаю, у всех нас, читателей и критиков, вызовут глубокое уважение биография и гражданское мужество поэта Эдуарда Асадова. Его лучшие стихи завоевали признание молодых читателей верой в красоту человеческих отношений. Но ныне создается впечатление, что избалованный вниманием издателей, большими тиражами книг, поэт все больше игнорирует эстетические критерии стиха.

В книге Асадова «Во имя большой любви», вышедшей двумя изданиями, общим тиражом 110 тысяч экземпляров, есть стихи, не выдерживающие критики.

Автор не очень озабочен фактурой стиха, его выразительностью — все это как-то настолько для него безразлично, что он, например, может сказать о любимой:

В холод груди ее
Тайный огонь пройдет,
Сразит ее сердце мое.
Всю, не щадя, сожжет!..

С глазами, полными слез,
Мидую всю в огне.
Сердце мое, как пес,
Назад приведет ко мне!

Асадову важен острый бытовой сюжет, моральный конфликт. Поэт откликается на те нравственные проблемы, которые глубоко волнуют молодежь. Однако как охотно ограничивается он нравоучительными сентенциями! Обращаясь к девушке, обманутой недобрым человеком, он пишет:

Но ведь чувства тем и хороши,
Что горят красиво, гордо, смело,
Пусть любовь начнется,
Но не с тела,
А с души, вы слышите, с души!

А когда лирический герой признается в любви и ему предлагают дружбу, он, резонерствуя, восклицает:

Что ж, дружба — хорошее дело!
В ней силы не раз почерпнешь.
Но дружба имеет пределы,
А мне они по сердцу нож!

Идейно-эстетическая ценность этих стихотворных сентенций, я думаю, ясна без комментариев.

Как это ни жаль, ни редакторы, ни критики не указали Асадову на серьезные недостатки его стихов, даже наоборот, поощряли их, печатая и перепечатывая. А поэт вот уже совсем недавно в газетном стихотворении объявил себя «сугубо(!) комсомольским» поэтом и, пренебрегая элементарной грамматикой, написал, что он «сквозь треск печурки и табачный дым читал стихи...»

Принесет ли такое покровительство пользу поэту Эдуарду Асадову? Можно с уверенностью сказать — нет. Оно приучит поэта работать вполсилы, в четверть силы, притупит в нем ощущение истинной поэзии.

Чтобы точнее оценить то или иное стихотворение, существует способ сравнения. Он помогает выверить эстетические критерии, обострить ощущение новизны образной мысли. Помните стихотворение Э. Межелайтиса «Человек»?

В шар земной упираясь ногами,
Солнца шар я держу на руках...

Какая мощь воображения, какая яркая символика, какой пафос жизнеутверждения! Человек — хозяин земли, жизнетворец, преобразователь («Земля сотворила меня, я же землю пересотворил...»). Активная позиция борца и преобразователя выражена в стихотворении мощно, своеобразно, свежо.

А вот другое стихотворение с тем же названием «Человек». Оно принадлежит Сергею Островому.

Весь шар земной я на спине
ношу!
Прилив, отлив,—педь это я дышу.
Кипит Везувий в лаве и огне.
Нет, это кровь моя кипит во мне.
На Кубе — бой. Трещит
земная ось.
Все это вмиг во мне отозвалось.
Свободных песен ширится напев.
Все это я. Все это мой посев.
Летит ракета. В небе горячо.
И сразу Марс задел мое плечо.
Я — Человек. Я вечностью дышу.
Весь шар земной я на спине
ношу.

Несмотря на близость темы, мысль в стихотворении Острового иная, чем у Межелайтиса, но аналогия при чтении неизбежна, и аналогия, невыгодная для стихотворения Острового.

В первом случае стихотворение захватывает новизной и ярким выражением поэтической идеи, активностью позиции лирического героя. В другом — лирический герой пассивен, он не преобразователь, не борец, он лишь «отражает» в себе волнения больших событий, но не вмешивается в них. Отсюда и вялое движение мысли. Собственно, она вовсе не развивается, а информационно сообщается в первых же двух строках и дальше в каждом из двустиший варьируется. Ну, а раз так, раз мысль в стихотворении статична, раз герой его пассивен, то и объявленное в последнем двустишии право на «вечность» не вызывает сочувствия.

В московском сборнике «День поэзии» 1963 года читаем стихотворение Ильи Авраменко:

Не все, что в сердце бьется, —
отзовется,
не каждой птице взвиться
суждено,
но если чист родник — всегда
прорвется,
и кто-нибудь пригубит все равно.
Не надо лишь покой искать
в надежде
на быстрое признанье и успех.
Оно — в пути. Старайся только
прежде
быть жажду утоляющим —
для всех.

Любопытно, что в первом четверостишии даже ассоциативно не указано на то чувство или ощущение, которое бы помогло угадать смысл стихотворения. Здесь словно все зашифровано, но туман многозначительности быстро рассеивается. Дочитав до конца, видишь, что стихотворение не содержит значительной мысли.

Первая фраза второго четверостишия, хотя и преподносится как некий вывод из начальной строфы, по существу с нею не связана. Правила грамматики трактуются поэтом весьма самобытно: «признанье и успех» он смело объединяет местоимением «оно».

Концовка показалась мне интерпретацией старого стишка: «я пролетарская пушка, стреляю туда и сюда».

Лирико-философского стихотворения, каким, по-видимому, оно замышлялось, не получилось, потому что не выкристаллизовалась поэтическая идея, не воплотилась в образах. Философская же лирика, может быть, как никакой другой жанр поэзии, требует ясно выраженной поэтической мысли или четкого представления, как эта мысль может развиваться читателем. Она не терпит банальности, с одной стороны, и туманной пустоты — с другой.

Я убежден, что намерения поэта были самыми серьезными. А что получилось?

Я ХОТЕЛ бы указать на стихотворение еще одного гостя «Дня поэзии», гостя из Казахстана Леонида Кривощекова, поэта тоже опытного, автора нескольких книг.

Стихотворение Леонида Кривощекова представляет собою весенний этюд альбомного характера. «Как хорошеют женщины весной!» — восклицает поэт в первой строке и изо всех сил завлекает нас описанием «чуть сужденных» глаз, «приоткрытых губ», плещущихся «под ветром, как листва», платьев. А потом уже и сам хмелеет:

И у меня кружится голова
От женщин,
И от солнца,
И от ветра,
И я шепчу,
Твержу, чтоб не забыть,
Одну строку.
Плохую, может быть,
Но только что придуманную мной:
Как хорошеют женщины весной!

Не уверен, что этот эмоциональный опыт обогатит читателя; что же касается святого упоения только что придуманной плохой строкой, то это уже лаборатория творчества: всякое признание поэта имеет для нас бесспорную ценность первоисточника.

Иногда можно одной плохой строкой, одним неудачным словом испортить все стихотворение. В сборнике «День поэзии» есть стихотворение Антона Пришельца, кончающееся таким двустишием:

Народ мой!
Как я дорожу,
Что я
К тебе принадлежу!

Почему «к тебе»? Ведь не спрашивают же, например: к кому принадлежит это стихотворение? Предлог «к» здесь вовсе лишний, он уродует фразу.

А разве холодное, казенное «принадлежу» выражает в данном контексте силу и глубину патриотического чувства? В самом деле, заключительное двустишие, уже само по себе суховатое, декларативное, да к тому же еще и неграмотное, убивает это вовсе не плохое стихотворение.

Уважение к русской грамматике — непременное условие поэтической работы, но, разумеется, и в железных правилах грамматики есть простор для творчества. Наоборот, формальная правота иной раз идет во вред поэзии.

В одном из стихотворений Геворка Эмина Борис Слуцкий, опытнейший поэт, так перевел две строки:

Бессмертье,
работою мною добытое,
лежит предо мною
как будто убитое.

Формально синтаксис фразы ничем не нарушен. Но сочетание слов «работою мною добытое» явно не звучит.

Эстетическое качество поэзии — в нашем богатейшем и выразительнейшем родном языке, способном передать все оттенки мыслей, запечатлеть движения души человека. Поистине: «Все есть слова — для каждой сути, все, что ведут на бой и труд».

О, как труден путь к овладению несметными языковыми богатствами и как много сулит таланту будущее, если он, впитавши сердцем передовые идеи нашего века, впитает также и любовь к русскому языку, любовь к гибкому и емкому, звонкому и ядреному русскому слову!

В ПРОГРАММЕ КПСС поставлена задача воспитания гармонического человека. Все прекрасное, что есть в человеческой природе, должно найти развитие, должно закрепиться в его сознании, в быту, в поведении и характере. В идейно-воспитательном комплексе особо выделено эстетическое воспитание трудящихся. И мы уже сейчас ощущаем всеобщий рост эстетической культуры советского народа.

Именно отсюда проистекает столь требовательное желание видеть наше искусство на новых, небывалых эстетических высотах.

Эти закономерные процессы нашли отражение во всех партийных документах последних лет по вопросам развития литературы и искусства, они нашли отражение в Программе КПСС, призывающей деятелей литературы и искусства к смелому новаторству в художественном изображении жизни, к личной творческой инициативе, высокому мастерству, многообразию творческих форм, стилей и жанров. В оценке произведений искусства не может быть двойной бухгалтерии: одна — по содержанию, другая — по форме. И если в этих заметках сделан акцент на эстетических критериях, то это вызвано желанием поднять требовательность к поэзии как искусству слова, насторожить внимание к посредственности, претендующей на то, чтобы занимать место в ряду искусства. Надо всегда помнить о тех, для кого пишутся стихи и песни, о их взыскательном суде, помнить призыв первого поэта революционной России:

Дайте крепкий стих
голочков этак на сто,
чтоб не таял стих,
как дым клубимый,
чтоб стихом таким
звенеть
и хвастать
перед временем,
перед республикой,
перед любимой.

ЛГ 2 июня

«Да» — миру

Государственный визит в Москву товарища Вальтера Ульбрихта, дружеские переговоры в столице нашей Родины — в центре внимания всей мировой печати. И это понятно. В братском сотрудничестве Советского Союза и первого в мире социалистического германского государства миллионы людей в Европе видят залог сохранения мира, надежную преграду темным силам реванша и агрессии, поднимающим голову в Западной Германии. Вся политика ГДР, все ее усилия направлены к тому, чтобы смягчить напряженность в сердце Европы. Именно с этой целью Вальтер Ульбрихт несколько дней назад от имени Государственного совета ГДР обратился с посланием к федеральному канцлеру Людвигу Эрхарду. Товарищ Ульбрихт призвал ФРГ к достижению взаимопонимания между двумя германскими государствами, к созданию общегерманского совета из представителей двух парламентов, чтобы пресечь опасное развитие событий, призвал к отказу от атомного оружия. «Скажите же, г-н Эрхард, «да» мирному взаимопониманию и «нет» атомному вооружению», — так предельно лаконично и четко сформулирована основная мысль послания.

Но господин Эрхард пока хранит молчание. Весьма красноречивое молчание, которое отнюдь нельзя расценить как «знак согласия». Напротив, аккомпанемент к этому молчанию — предельно наглые реваншистские выкрики таких официальных лиц, как западногерманский министр Зеебом, говорят о том, что в Бонне не прислушиваются к голосу разума.

Притязания Зеебома на Судетскую область, его призывы к пересмотру границ встревожили даже «Нью-Йорк таймс». Газета заверяет, что западные союзники готовы оказывать «помощь и поддержку» ФРГ, но советует Бонну «поразмыслить над тем, какой вред причинили его престижу в глазах западного общественного мнения некоторые события, происшедшие в ФРГ за последнее время», вызвав «повсюду, и не только в Восточной Европе, тревогу насчет влияния экстремистских, националистских и реваншистских элементов».

Что и говорить, тревога эта достаточно обоснована. И надо полагать, все больше и больше людей на Западе осознают, наконец, сколь гибельна политика поощрения реваншистских устремлений Бонна, как важно урегулирование германской проблемы и как благородны цели, которые последовательно отстаивает Германская Демократическая Республика, опираясь на поддержку и помощь Советского Союза, всего социалистического лагеря.

ЛУЧШАЯ ИЗ ТРАДИЦИЙ

Из поездки в Швецию возвратился советский писатель Геннадий Фиш, автор книг «Здравствуй, Дания!», «Норвегия рядом», «Встречи в Суоми» и других. Сегодня мы печатаем первый очерк Г. Фиша о его шведских впечатлениях.

Весенние дни в Стокгольме

Геннадий ФИШ

ВЕСНА в Стокгольме имеет свои приметы. Это не только солнечные зайчики, отброшенные зеркалами фиорда на стены остроконечных домов гранитных набережных. Не груды махровых гвоздик, перекочевавших из витрин на открытые площади рынков. Цветов было немало и в декабре. Первая несомненная примета весны — навален-ные у подъездов и подворотен штабеля толстенных телефонных справочников за минувший год. Значит, апрель, значит, привезены новые, а эти выставлены на улицы и дожидаются, когда их уберут. Но почему их так много? В Стокгольме на тысячу жителей приходится шестьсот шестьдесят пять телефонов. И каждому аппарату положен огромный трехтомный справочник.

Этот завал телефонных каталогов у подъездов — еще одно косвенное доказательство, что Стокгольм — центр телефонной империи «Л. М. Эриксон», раскинувшей сеть своих предприятий на всех материках, в двадцати девяти странах. Но самые технически совершенные заводы, конечно, в метрополии. Когда в начале весны в Швеции гостил Юрий Гагарин, новый модернизированный завод «Эриксон» ему показали как одну из достопримечательностей столицы. На завтраке, который устроила дирекция в честь посещения завода первым космонавтом, зашла речь об истории фирмы. И я рассказал о том, что в Кремле, в кабинете Владимира Ильича на столе по сей день сохраняется телефон с маркой «Эриксон».

— Этим телефоном пользовался Ленин.

— Но мы-то от этого не получили никакой корысти! — отозвался главный инженер.

— А разве моральное удовлетворение не в счет? — улыбаясь, спросил его советский дипломат.

— Ну, тогда вы правы,—любезно согласился инженер.

Стокгольм. У витрины.

ЖИТЕЛИ шведской столицы равнодушно проходят не только мимо наваленных у подъездов телефонных справочников. Они не обращают решительно никакого внимания на молоденьких девушек и юношей, на куртках которых сзади начерчены геометрические фигуры, черной и белой краской написаны непонятные уравнения и формулы. Шляпы их увиты пестрыми лентами, а к полям прикреплены длинные тесемки, на которых болтаются разноцветные помпоны. Что это — маскарад? Нет, сейчас выпускные экзамены, и школьники, сдавшие испытание по какой-либо дисциплине, по математике например, отмечают формулами на куртках эту пройденную ими ступеньку к аттестату зрелости. Пушистый желто-голубой помпон, болтающийся на тесемке перед лицом девушки, обозначает, что она уже сдала экзамен по шведскому языку или шведской литературе.

В эти же дни я увидел еще одну примету весны. По телевидению в последних известиях (здесь их называют «Актуэлтт») показывали демонстрацию молодежи, организованную студентами - социалистами группы «Кларте». Демонстранты требовали освободить из франкистских тюрем борцов за демократию. Как-то вечером я был в гостях у друзей в городе-спутнике, одном из нескольких, входящих в Большой Стокгольм. Через распахнутую на балкон дверь в комнату вдруг в разгар оживленной беседы студентка Ирэн, активистка общества студентов-социалистов, взглянув на часы, включила телевизор.

— «Актуэлтт»! Сейчас мы увидим моих друзей, — сказала она.

И через несколько минут среди других хроникальных кадров мы увидели друзей Ирэн — студентов Стокгольмского университета, объявивших голодовку в знак протеста против бесчеловечной политики апартеида в Южно-Африканской Республике.

Изящные девушки в пестрых свитерах и юноши со шкиперскими бородками. Они сидят на скамьях одной из университетских аудиторий. Лица их серьезны, так же как и голос диктора, рассказывавшего телезрителям о причинах голодовки.

— И вы думаете чего-нибудь добиться? — несколько скептически спросила одна гостья. — Разве правителям ЮАР не все равно — обедают студенты в Стокгольме или нет?

— Конечно, им наплевать на это, — отозвалась Ирэн, — но мы на них и не рассчитываем. Мы хотим снова поднять общественное мнение у нас против этого позора. Мы, конечно, все против расизма. Но нам, молодежи, кажется, что внимание к тому, что делается в ЮАР, притупилось, — это ведь так далеко от нас. И мы хотим усилить протест. Ведь про пикеты около магазинов, торгующих южноафриканскими товарами, газеты уже перестали писать. А тут — смотрите! Мы уже попали на экраны телевизоров. Я завтра тоже присоединюсь к моим товарищам. Про нашу голодовку узнают тысячи и тысячи людей, которые смотрят сегодняшнюю передачу не только в Стокгольме!

— Ирэн права. Общественное мнение — великая сила, — поддержал девушку мой друг Антон Странд, «мирный викинг», как сам он шутя называет себя, сухощавый, жилистый немолодой уже человек, секретарь Шведского комитета борцов за мир. — А то ведь есть у нас люди, да и не только у нас, которые так же скептически относятся и к движению сторонников мира. Чем, мол, можете вы повлиять на ход событий, когда у вас нет никакой реальной власти. А между тем именно у нас, у шведов, есть великолепный опыт борьбы за мир. В нашей истории есть эпизод, о котором Ленин говорил как о примере того, что сплоченный в едином устремлении рабочий класс может помешать возникновению войны.

Это было в 1905 году, когда Норвегия разорвала унию и отделилась от Швеции.

В Швеции готовилась всеобщая мобилизация. И, как говорит историк К. Бэкстрем, «многие хотели, чтобы топор опустился». Но в результате сопротивления шведских рабочих «никто не решился взяться за топорище». И локальную войну, которая могла бы перерасти во всеобщую, удалось предотвратить.

Слушая рассказ Антона, я думал о том, что шведским рабочим удалось задушить войну в зародыше тогда, когда еще не существовало социалистического лагеря, не было даже Страны Советов, военная мощь которой ныне стала щитом мира. Как же неправы сейчас те скептики, которые хотят убедить нас в фатальной неизбежности агрессивных войн!

— А не можешь ли ты меня познакомить хоть с одним из участников той великой борьбы? — спросил я Антона.

— Могу, — улыбнулся он, — ведь шведы, как и ваши кавказцы, славятся долголетием. — И, перелистав свою записную книжку, Антон снял трубку телефона.

НА ДРУГОЙ день в назначенное время вместе с переводчицей Марианной Салин мы поднялись по крутой лестнице старого доходного дома к ожидавшему нас ветерану рабочего движения Эйнару Льюнбергу, президенту «Клуба борцов за свободу».

Статистика в Швеции поставлена превосходно. И из статьи, посвященной семидесятипятилетию Льюнберга, я уже знал, что за свою жизнь он выступал на рабочих митингах шестнадцать тысяч раз, что по его инициативе было создано в разных пунктах страны шестьсот организаций — отделений профсоюзов, рабочих клубов, социал-демократических обществ и т. д. Я ожидал встретить дряхлого старика. Однако нам открыл дверь седой, но очень энергичный и бодрый человек. На первую встречу отведено было лишь два с половиной часа. Льюнберг должен был читать лекцию в молодежном клубе.

— Число моих выступлений уже приближается к семнадцати тысячам, — не без гордости сказал он.

Ну, конечно, он прекрасно помнил те вдохновенные дни, когда рабочие Швеции поднялись на борьбу против войны. Он работал тогда в Гетеборге в столярном цехе судостроительной верфи. Молодому столяру удалось создать в цехе профсоюз, и товарищи избрали Эйнара своим председателем. За это его уволили с работы.

Руководители союза молодежи предложили молодому безработному столяру, уже известному своими зажигательными речами, стать агитатором.

Шведская армия в это время уже подтягивалась к норвежской границе, и династический спор между Норвегией и Швецией грозил перерасти в братоубийственную войну. И в эти дни открылся Первый съезд Союза социал-демократической молодежи. При общем ликовании был единодушно принят манифест мира. «Долой оружие».

Льюнберг достает пожелтевшую от времени листовку. Марианна переводит текст манифеста. В нем, в частности, говорится, «что агитация за войну с братским народом — преступление против миролюбивого народа Швеции;

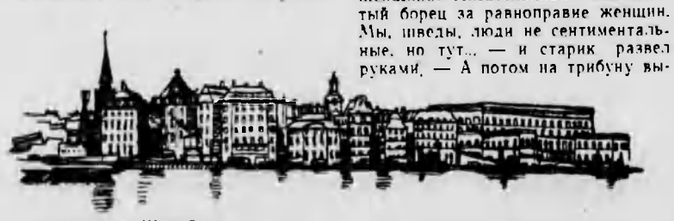
что шведские рабочие готовы прекратить работу по всей стране, чтобы предотвратить войну;

что трудовая молодежь Швеции убеждена, что долг ее в случае приказа о мобилизации — отказаться от военной службы с тем, чтобы оружие не было направлено против норвежцев...

Наш лозунг: «Мир — Норвегии!»

100 тысяч листовок с манифестом были отпечатаны в тот же день. Их читали на демонстрациях. На бесчисленных митингах открытым голосованием одобрили манифест. Эйнар Льюнберг сразу же после закрытия съезда отправился пешком из Гетеборга в Стокгольм, распространяя по дороге листовки и агитируя на местах за создание отделений союза молодежи... Не раз бывали у него столкновения с помещиками, полицией.

— Больше всего, — говорит Льюнберг, — мне запомнился митинг в Гетеборге на поле Хеден. Туда пришли судостроители и столяры, ткачи и рыбаки, железнодорожники и крестьяне. Не меньше сорока тысяч людей. И вот тогда перед нами выступила Эллен Кей с одной из самых своих замечательных антивоенных речей. Вы знаете, кто такая Эллен Кей? Это выдающаяся женщина! Писательница. Знаменитый борец за равноправие женщин. Мы, шведы, люди не сентиментальные, но тут... — и старик развел руками. — А потом на трибуну вышел наш талантливый поэт Оссианнильссон и прочитал специально для этого митинга написанные стихи. Подъем был такой, что не только с трибуны, но и в разных местах поля начали стихийно выступать ораторы из толпы. И все, кто был на поле, клялись — молодые не идти в армию, пожилые — бросить работу. И что же, военщине пришлось отступить! До этого мы даже сами не представляли, какая мы сила.



Набережная Шепсбруи

Перед нашим уходом Льюнберг вынул из ящика письменного стола фотографию: Ленин с группой товарищей идет по улице Стокгольма от вокзала к гостинице «Регина». Рядом с ним шагает социал-демократический бургомистр Стокгольма Карл Линдхаген.

— Это было тоже весной. В семнадцатом году. Ленин с группой политэмигрантов возвращался на родину через Швецию.

— Мне знакома эта фотография, — говорю я.

— Да, но вы не знаете, кто этот человек, самый последний в группе. Это я! Я тоже встречал Ленина на Центральном вокзале. Вы видите, как пестро и старомодно одеты эти русские эмигранты.

— Разве они одеты не по тогдашней моде?

— Нет, что вы? Они одеты по моде, которая к тому времени здесь устарела уже на добрый десяток лет. Так вот, один швед, глядя на эту шагающую по мостовой группу иностранцев, удивился: «Что это за люди приехали? Аргисты?» И хотя он произнес это негромко, но у Линдхагена был очень тонкий слух. Он повернулся к этому прохожему и сказал: «Это русская революция приехала!»

И в самом деле, это была русская революция, провозгласившая своим первым лозунгом МИР.

Весной...
Рисунки шведского художника С. Эрене

Говорит представитель ЮНЕСКО

— Какую работу провела ЮНЕСКО, готовясь к шевченковскому юбилею? — спросил я господина Роже Кайюа, приехавшего в Киев в качестве представителя этой организации.

— Самое важное, — сказал он, — издание произведений Шевченко на французском языке. Мы принимали участие в подготовке вот этого сборника стихов.

Роже Кайюа протянул мне томик в синей обложке с портретом молодого Шевченко.

— Как вы видите, сборник выпущен в свет парижским издательством «Пьер Сегер». Все стихи переведены Гийевиком. Обратите внимание на эту хронологическую таблицу в самом начале книжки. Французские читатели смогут получить четкое представление о том времени, когда жил Шевченко.

Я с интересом рассматриваю таблицу. «Шевченко. Жизнь и даты опубликования его произведений», «События в русской литературе», «События в мировой литературе», «События всемирной истории» — так называются графы этой таблицы. Например, 1840 год. В первой графе — «Кобзарь», во второй графе — «Герой нашего времени», «Кто виноват?», в третьей — «Родились Альфонс Доде, Золя, Джованни Верга».

— А вот и его проза, — продолжает Роже Кайюа, протягивая мне книгу, выпущенную издательством «Галлимар». — Кстати, как раз сейчас мы начинаем издание переводов из ваших национальных литератур. Только что «Галлимар» издал «Давида Сасунского» в переводе Фредерика Федита, а через два месяца выйдет «Витязь в тигровой шкуре»... В Париже — совместными усилиями ЮНЕСКО и общества дружбы «Франция — СССР» — была организована выставка, посвященная Шевченко. Его юбилей отмечен также журналом «Курьер ЮНЕСКО»: почти половина июньского номера посвящена великому украинскому поэту.

В. ОСТРОВСКИЙ

ОТ СЕРДЦА

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Ряд интересных и значительных мыслей о проблемах перевода произведений Шевченко высказал немецкий писатель Альфред Курелла.

Большое впечатление на присутствовавших произвело выступление Бориса Полевого. Он вспомнил ту бурную весну, когда Советская Армия освободила Днепровское левобережье и солдаты в самый разгар наступления положили на могилу Шевченко венок с надписью: «Товарищу Шевченко Т. Г.».

О международном значении украинского поэта говорил выдающийся индийский ученый Сунити Кумар Чаттерджи.

Той же теме было посвящено выступление посланца острова Свободы кубинского поэта Самуэля Фейхоо: «Герой — достояние всех, как сказал Хосе Марти... И когда герой поднимается над бедствиями, борясь против всех трудностей, стоящих на его пути, он становится чудесным стимулом в битве против бед и несправедливости. В этом — высшая сила Шевченко...».

Известный японский ученый-славист Тацуо Курода, произнесший большую часть своего выступления на русском языке, рассказывает о популярности великого украинского поэта в Японии.

О переводах произведений украинского поэта на монгольский язык рассказывает в своем выступлении писатель товарищ Тудев, а о переводах на французский язык — поэт Эжен Гийевик.

Бурными овациями было встречено выступление испанской поэтессы Марии Терезы Леон: «Я говорю от имени поэтов, художников, писателей, которые там, в Испании, не смогут говорить об этом».

Страстно прозвучало слово венгерского писателя Антала Гидаша: «Мы любим Шевченко, но мало сказать: «люблю Шевченко»—ведь стихи его не только ласкают слух, но и придают силу, мужество, укрепляют дух, учат верности».

С яркой речью выступил выдающийся польский писатель Ярослав Ивашкевич. «Мы будем вспоминать поэта, — сказал он, — не тихим словом, а громким словом понимания и любви».

«Сила великого Кобзаря,—сказал представитель Болгарии профессор Симеон Русакиев, — вливается в душу болгарского народа, как огненная река».

«Шевченко принадлежит также чешскому и словацкому народам», — заявил известный ученый Чехословакии Юлиус Доланский.

О необычайной популярности поэта среди американских и канадских украинцев говорили гости из Соединенных Штатов и Канады Мария Ковальчук и Петро Кравчук.

С приветственным словом выступили также македонский писатель Блаже Конески, казахский писатель Таир Жароков и грузинский поэт К. Каладзе.

Заключительную речь произнес Михайло Стельмах.

* * *

С большим воодушевлением участники форума приняли текст приветствия главе Советского правительства Никите Сергеевичу Хрущеву.

КОГДА ДЕЛА ИДУТ ПЛОХО...

ПЕНТАГОН ГОТОВИТ НОВУЮ АГРЕССИЮ

В Кэмп-Смите (Гонолулу) снова собрались американские военные и дипломатические руководители в связи, как пишет «Нью-Йорк геральд трибюн», с «продолжающимся развалом антикоммунистических сил и ослаблением их позиций» в Юго-Восточной Азии. Совещание, по сообщениям печати, уделит главное внимание действиям против Северного Вьетнама.

В последние дни американская дипломатия провела в Лондоне, Вашингтоне и Сайгоне серию совещаний, рассчитанных, по-видимому, на то, чтобы втянуть другие страны в американские военные и политические планы в Юго-Восточной Азии.

Предложение о созыве конференции 14 стран — участниц Женевского совещания по Лаосу было встречено в Вашингтоне в штыки. США опасаются, что на такой широкой официальной конференции может быть поставлен вопрос о нейтрализации всей Юго-Восточной Азии и выводе оттуда американских войск. Насколько основательны эти опасения, можно судить по редакционной статье, опубликованной на днях американским журналом «Ньюсуик» под заголовком «Что думают наши союзники?», которую мы сегодня перепечатываем с незначительными сокращениями.

ДЕЙСТВИЯ американцев во Вьетнаме вызывают в союзных странах по большей части чувство безразличия. Простым людям в Оттаве, Лондоне, Риме или Токио «грязная война» в Юго-Восточной Азии представляется чем-то отдаленным, до смерти надоевшим и прямого отношения к ним не имеющим. «Откровенно говоря,—признался один высокопоставленный английский чиновник,—наше общественное мнение проявляет к проблеме Вьетнама примерно такой же интерес, как общественное мнение США — к проблеме Борнео».

Широкая публика, а в некоторых случаях и пресса могут оставаться равнодушными, но союзные правительства вряд ли могут позволить себе уклониться от определения своей позиции. Кроме Франции, все они выразили свою поддержку Соединенным Штатам, взявшим на себя обязательства в отношении Южного Вьетнама, но проявили при этом далеко не одинаковый энтузиазм. Англичане, которые боятся, как бы переход Южного Вьетнама в руки коммунистов не поставил под угрозу Малайзию, наиболее открыто и недвусмысленно высказываются в поддержку США. «Мы будем до конца с вами, — говорит один министр-консерватор. — Нейтрализация — это то же самое, что капитуляция». Официально Канада, Западная Германия и Италия — заодно с нами. Однако Оттава, будучи членом трехсторонней Международной контрольной комиссии по Вьетнаму, стремится сохранить видимость беспристрастности, а Бони и Рим отнюдь не жаждут заявить о своей горячей поддержке политики Соединенных Штатов во Вьетнаме.

Правительство Шарля де Голля, разумеется, энергично возражает против той роли, которую играют ныне США во Вьетнаме, упирая на то, что, как сказал в апреле премьер-министр Жорж Помпиду, нейтралитет Вьетнама является «единственно возможным решением». Французские газеты и журналы всех направлений и оттенков, от крайних левых до крайних правых, так же как и де Голль, критикуют политику США, причем не только по политическим, но и по психологическим соображениям. Многие французы не желают предавать забвению тот факт, что США заменили во Вьетнаме Францию, и посему взирают на возрастающие трудности, с которыми сталкивается Вашингтон в этом районе, со смешанным чувством нескрываемого злорадства и насмешливого презрения, как будто говоря: «Мы же предупреждали вас, к чему это приведет».

В последнее время это чувство распространилось (не без помощи самих французов) из Франции в Западную Германию. Несмотря на то, что десять лет тому назад Франция потерпела в Индокитае сокрушительное поражение, удивительно большое число западногерманцев считает теперь Париж высшим и непререкаемым авторитетом во всем, что касается этого района. «Как видно, надо потерпеть абсолютный провал, чтобы стать абсолютным авторитетом», — язвительно заметил один бонинский дипломат. В результате распространения таких настроений многие немцы склонны рассматривать военные действия во Вьетнаме скорее как колониальную войну, нежели как битву против коммунистов. Даже в общем-то проамерикански настроенная гамбургская газета «Ди вельт» выступила с критикой призыва США о помощи со стороны союзников по НАТО, указав, что не следует рассчитывать на то, что Западная Германия «взвалит на себя бремя политики [относительно которой] никогда и ни в чем с нею не консультировались».

Японская пресса тоже во все более критическом духе пишет о политике Соединенных Штатов в Юго-Восточной Азии. «Нейтрализация Вьетнама — единственный выход из этой засасывающей, как трясина, войны», — пишет независимая ежедневная токийская газета «Майнити» в статье, под которой стоит подпись уважаемого редактора ее международного отдела Минору Омори.

Однако в общем и целом Соединенные Штаты не могут рассчитывать со стороны союзников на сколько-нибудь существенную поддержку их усилий во Вьетнаме. «Когда дела идут плохо, в критиках нет недостатка, — отмечает один вашингтонский наблюдатель. — По меткому выражению покойного президента Кеннеди, у победы найдется сотня отцов, а поражение — круглая сирота».

Мухаммад Адиль СУЛЕЙМАН,
египетский поэт

Я — египтянин

Утро простирает к нам руки.
Перед нами широкие горизонты.
Мы стерли пыль бедствий
Улыбающимся крылом света.
И идет караван дней,
Чтобы возвестить здесь
мелодию мира
Из нашего края,
Из нашей далекой зеленой страны.

Я — египтянин. Мое сердце
открыто.
Гимн любви у меня на устах.
Любви к нашей свободной родине.
Я жажду большого света,
Я — зеленая оливковая ветвь
В нашем краю,
В нашей далекой зеленой стране.

Перевел Г. ЛЕБЕДЕВ

УБЕДИТЕСЬ САМИ

Когда в начале 50-х годов появились первые ростки «антитеатра» эстеты заговорили о новом слове в развитии мировой драмы. Мир катится к гибели, и человека нет ни прошлого, ни будущего, наступает царство вселенского абсурда, и наши пьесы должны отразить этот абсурд — примерно так рассуждали приверженцы антидрамы, претендовавшие на выражение «высшей реальности» века. Они возвели хаос капиталистической цивилизации и возможность атомной войны в закономерности эпохи и, стало быть, склонились в отчаянье перед ними.

Мы публикуем вступительную сцену к одноактной радиопьесе мэтра абсурдной драмы Сэмюэля Беккета. Эта пьеса примечательна тем, что в ней нет ни человеческих характеров, ни действия, ни других компонентов драмы. Полная зашифрованность, нарочитая неразгадываемость превращают ее в шараду.

А какой смысл вложил в свое стихотворение «Проникновения» «конкретный лирик» венец Герхард Рюм? Эта формалистическая звукопись, так напоминающая «игри слова», которой баловались еще в конце минувшего века декаденты, по странной иронии судьбы напечатана в журнале «Ворт ин дер цейт», что можно перевести как «Современное слово». Вот что выдают за новое слово в искусстве модернисты!

Сочинения Беккета и Рюма рассчитаны на болезненную изощренность так называемой интеллектуальной элиты. Нормальный «человек с улицы» отворачивается от такой продукции. И тут-то его подстерегают специалисты по «массовой культуре».

Неписаное правило издательского дела в Америке — да и не только в Америке — гласит: газеты раскупаются из-за первополосных сенсаций и комиксов. Первоначально «комикс» — это серия юмористических рисунков. Однако сейчас они стали идеологическим оружием монополистической печати США, средством пропаганды «американизма». Согласно «Энциклопедии Американа», комиксы изготовляются ныне по стандартной формуле как «захватывающий, изобилующий неожиданностями фантастический рассказ, в котором вымышленный герой-супермен смело встречает надвигающуюся опасность и преодолевает ее». О художественном уровне этого «массового искусства» можно судить по отрывкам из серии «Баз Сойер», публикуемой в солидной «Нью-Йорк геральд трибюн».

Модернистская эпопея или убогий суррогат искусства — перед такой дилеммой неизбежно оказываются литераторы Запада, которые отворачиваются от проблем, действительно волнующих мир.

Итак, убедитесь сами.

Сэмюэль БЕККЕТ

СЛОВА И МУЗЫКА

МУЗЫКА (тихо играет небольшой оркестр).

СЛОВА. Пожалуйста! (Оркестр продолжает играть. Повторяют громче). Пожалуйста! (Мелодия замирает). Сколько же можно давиться тут, в темноте? (С отвращением). С тобой! (Пауза). Тема... (Пауза). Тема... Апатия. (Пауза. Тарторят). Из всех страстей — апатия самая могущественная страсть, и в самом деле, нет страсти более могущественной, чем апатия, именно она сильнее всего воздействует на дух, и в самом деле. (Взрыв мелодии. Громко, умоляюще). Пожалуйста! (Мелодия замирает. Продолжают). Сильнее всего воздействует на дух, и в самом деле, ничто так не воздействует на дух, под страстью мы должны разуметь движение души, преследующее или ускользающее, действительное или воображаемое, наслаждение или боль, наслаждение или боль, действительное или воображаемое, наслаждение или боль, из всех этих движений, а кто может сосчитать их, и имя им — легион, апатия самое настойчивое, и в самом деле, ни одно движение не подгоняет душу сильнее, чем она, чем она, чем она, туда и сюда, ни одно движение не подгоняет душу сильнее, чем она, туда и... (Пауза). Сюда. (Пауза). Слушай! (Издали доносится торопливое шарканье шлепанцев). Наконец-то! (Шарканье громче. Взрыв мелодии). Тссс! Мелодия замирает. Шарканье громче. Молчание.

КАРКАНЬЕ: Джо.
СЛОВА (смиренно): Ваша милость.
КАРКАНЬЕ: Боб.
МУЗЫКА (смиренное приглушенное ad sum*).
КАРКАНЬЕ: Утешители мои! Будьте друзьями! (Пауза). Боб!
МУЗЫКА (как прежде).
КАРКАНЬЕ: Джо.
СЛОВА (как прежде): Ваша милость.
КАРКАНЬЕ: Будьте друзьями! (Пауза). Я опоздало, простите. (Пауза). Лицо. (Пауза). На лестнице. (Пауза). Простите. (Пауза). Джо.
СЛОВА (как прежде): Ваша милость.
КАРКАНЬЕ: Боб.
МУЗЫКА (как прежде).
КАРКАНЬЕ: Простите. (Пауза). В башне. (Пауза). Лицо. (Долгая пауза). Сегодняшняя тема... (Пауза). Сегодняшняя тема... любовь. (Пауза). Любовь. (Пауза). Моя дубинка. (Пауза). Джо.
СЛОВА (как прежде): Ваша милость.
КАРКАНЬЕ: Любовь. (Пауза. Тяжелый удар дубинки об пол). Любовь!
СЛОВА (напыщенно): Из всех страстей любовь — самая могущественная страсть, и в самом деле, нет страсти более могущественной, чем страсть любви. (Отшатливаются). Именно она сильнее всего воздействует на дух, и в самом деле, ничто так сильно не воздействует на дух, как она.

Пауза.

КАРКАНЬЕ (испускает вздох. Тяжелый удар дубинки).

Перевела Е. КОРОТКОВА

* Я здесь (лат.)

Нери зажгла в лаборатории свет и услышала какое-то движение.

Зловещая тишина.

Она завизжала от ужаса, потом кто-то сзади ударил ее...

...и потащил к пруду, где разводили морских свинок.

Сэмюэль БЕККЕТ

ПРОНИКНОВЕНИЯ

Глубь
глубина
глубин
глубина сна
обломки
(обломки)
ломки
изломанный сон
углом слом
крылом сон
обломки
(навсегда)
слом сон
траур
разум
ломкий
обломки
и снова и снова
и разум и траур
и траур
разум траур
траур

траур
раут
траур
рост
рост
раут
прост
прост прост прост
траур
шум

герхард рюм
разум
рюм
шум
герхард
(пауза)
обломки ломки слом
сон
(длинная пауза)

Перевел Е. ГОЛОВИН

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: Ю. БАРАБАШ (зам. главного редактора), А. БЛИНОВ, Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, В. ЛИТВИНОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, О. ПРУДКОВ, Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Я. СМЕЛЯКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ, А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу. | Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-08-05, науки — Б 8-54-03, иностранный — К 4-03-48, информации — К 4-08-89, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор К 5-00-00.

ИНДЕКС 50067

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—00290